

Институт философии РАН

Некоммерческий научный фонд
«Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ
второй половины XX века

Редакционный совет:

В. С. Стёпин (*председатель*)
А. А. Гусейнов
В. А. Лекторский
В. И. Толстых
П. Г. Щедровицкий

Главный редактор серии В. А. Лекторский



Москва
РОССПЭН
2010

Институт философии РАН

Некоммерческий научный фонд
«Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ
второй половины XX века

Георгий
Петрович
Щедровицкий

Под редакцией П. Г. Щедровицкого,
В. Л. Даниловой



Москва
РОССПЭН
2010

УДК 14 (082.1)
ББК 87.3(2)6
Щ36

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Г. Э. Афанасьева, М. М. Мулюкова
и Фонда «Центр стратегических разработок
«Северо-Запад»*

Георгий Петрович Щедровицкий / Г. П. Щедровицкий ;
Щ36 [под ред. П. Г. Щедровицкого, В. Л. Даниловой]. — М. : Рос-
сийская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. —
600 с. : ил. — (Философия России второй половины XX в.).

ISBN 978-5-8243-1387-1

Книга посвящена анализу наследия Г. П. Щедровицкого (1929—1994) — выдающегося отечественного мыслителя, философа, методолога, общественного и культурного деятеля, организатора и лидера Московского методологического кружка (ММК).

В сборник вошли статьи участников ММК, учеников и последователей Г. П. Щедровицкого, в которых рассматриваются лишь основные темы из его обширного и до сих пор малоисследованного наследия: проблемы теории мышления и деятельности, семиотики и эпистемологии, системо-мыследеятельностного подхода, организационно-деятельностных игр. В книге впервые публикуется доклад Г. П. Щедровицкого 1972 г., посвященный идее деятельности и деятельностному подходу, а также полная библиография работ Г. П. Щедровицкого и работ о нем.

Книга рекомендована специалистам по философии, методологии науки, студентам, аспирантам, а также широкому кругу людей, которых интересует интеллектуальная история современной России.

УДК 14 (082.1)
ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-8243-1387-1

© Лекторский В. А., общая редакция серии, 2010
© Щедровицкий П. Г., Данилова В. Л., составление и общая редакция тома, 2010
© Институт философии РАН, 2010
© Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2010
© Коллектив авторов, 2010
© Оформление. Издательство «Российская политическая энциклопедия», 2010

Рац Марк Владимирович — профессор, доктор геолого-минералогических наук, участник методологического движения с 1983 г. Основные интересы: приложения методологии к инновационной и научной политике, политической философии и науке, книжному делу и библиофильству.

Розин Вадим Маркович, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор, академик академии педагогических и социальных наук.

Сазонов Борис Васильевич — член ММК, кандидат философских наук, заведующий лабораторией Института системного анализа РАН.

Хромченко Матвей Соломонович — журналист.

Содержание

От редактора	5
I. Место введения	9
<i>В. Г. Марача</i> Отличительные черты методологического мышления как «идеального ядра» интеллектуальной традиции Московского методологического кружка	9
II. От мышления к мыследеятельности?	71
<i>В. М. Розин</i> Построение теории мышления — «синяя птица» Г. П. Щедровицкого.....	71
<i>В. Я. Дубровский</i> Онтология деятельности Г. П. Щедровицкого	109
Ю. В. Громыко Системно-мыследеятельностный подход: схема мыследеятельности Г. П. Щедровицкого — philosophia nova?	158
III. Эпистемология и семиотика	193
<i>Б. В. Сазонов</i> Понятие «проблема» и процессы проблематизации в ММК как ключевые для понимания методологического мышления	193
<i>В. П. Литвинов</i> Феноменология знака.....	234
<i>В. Л. Данилова</i> Концепция знания в работах Г. П. Щедровицкого: на пути к новому синтезу	261

IV. Мир категорий	319
<i>М. В. Рац</i>	
«Искусственное» и «естественное»	319
V. Опыт игры	359
<i>Л. М. Карнозова</i>	
Организационно-деятельностная игра.....	359
VI. Воспоминания	404
<i>М. С. Хромченко</i>	
Символ рода	404
VII. Слово Г. П. Щедровицкому	440
<i>Г. П. Щедровицкий</i>	
Идея деятельности и деятельностный подход.....	440
Хроника основных событий жизни и творчества.....	542
Приложение. Участие Г. П. Щедровицкого в конференциях (симпозиумах, совещаниях и пр.) в 1970–1979 гг.	552
Библиография работ Г. П. Щедровицкого	565
Библиография публикаций о Г. П. Щедровицком и Московском методологическом кружке	583
Именной указатель.....	592
Сведения об авторах	595

Научное издание

Философия России второй половины XX века

Георгий Петрович Щедровицкий

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *И. В. Киселева*
Компьютерная верстка *Н. А. Ищик*
Корректор *Н. В. Филипова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 25.01.2010.
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,5.
Тираж 2000 экз. Заказ 103

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Ю. В. Громыко

Системно-мыследеятельностный подход: схема мыследеятельности

Г. П. Щедровицкого — *philosophia nova*?

То есть схемы знания, схемы мыследеятельности несут на себе новые принципы подхода и способа жизни, которые как принципы должны реализоваться. Не потому, что мы их реализуем, они становятся принципами — мы их реализуем потому, что готовы сгореть из-за этого. Но это предполагает совсем иную ценность принципа как такового. Только принципиальная жизнь является осмысленной*.

Г. П. Щедровицкий

Относясь к числу тех, кто считает, что системно-мыследеятельностный подход образует ядро и квинт-эссенцию новой философии, мы ставим перед собой в данной статье достаточно тяжелую задачу: показать, что схема мыследеятельности, онтология мыследеятельности действительно выступает в функции своеобразного рубежа и «стража» с буддийских мандал, который не пропускает тех, кто недостойн, к семейству новых философий.

При этом новые философии — это не нечто, обладающее какими-то огромными, уже оцененными

* Щедровицкий Г. П. Схемы мыследеятельности и работа с ними // Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. С. 729.

достоинствами области знаний, а в полном смысле пустотная, пока не заселенная территория — Дальний Восток России с постоянно сбегающим оттуда населением, хотя все большее число людей становится понятно, что именно там и должна начаться принципиально новая жизнь, а возможно, и новая российская цивилизация. Схема мыследеятельности оказывается своеобразным магическим кристаллом, который выталкивает в поле неизведанного, в поле только еще формирующихся и складывающихся систем и типов мышления.

Но в том-то и прелесть мыследеятельностного подхода, схемы мыследеятельности, мыследеятельностной онтологии, категории «мыследеятельность», универсума мыследеятельности, что они делают невозможным старое состоявшееся мышление. Эти понятия обладают зарядом такой мощности, что включение их в поле рассмотрения превращает в недействительные многие из наших сложившихся способов размышления в философии, семиотике, семантике, психологии, антропологии, социологии, экономике и политологии, теории человеко-машинных систем, системном подходе, теории проектирования и теории работы с будущим.

Почему системно-мыследеятельностный подход — это новая философия?

Системно-мыследеятельностный подход является новой философией, поскольку он позволяет сегодня связать в единое целое за счет специально осущестляемых в нем техник несколько до настоящего момента разделенных вещей: онтологическую работу, движение в системе понятийных различий, категориальную работу, разработку инструментов и средств (прежде всего средств организации действия), введение новых представлений, видений картин сознания, новых принципов организации понимания, новых типов организации рефлексии и осознания, способов опознания тех форм активностей, которые осуществляет человек в данном ситуационном контексте, а также тех активностей, которые связаны с философско-мыслительной работой, новых принципов организации коллективной и групповой, сетевой работы, современных форм системного и мультисистемного анализов.

Связь этих столь разных контекстов могла бы восприниматься как эклектика, «наmeshивание» очень разных смыс-

ловых содержаний, которые произвольно проходят через сознание данного человека, если бы не одно обстоятельство: эти разные фокусы, разные проекции, разные срезы содержания объединяются пониманием того, что мыследятельность является средством обозначения, именованя, выявления реальности, в которой происходят любые события. То есть, говоря философским языком, схема мыследятельности выявляет и определяет не ставшую реальность, а становящуюся. Причем в становлении мыследятельной реальности огромную роль играет и сам человек, который использует схему мыследятельности и опирается на понимание ее устройства, — системно-мыследятельный методолог.

С этой точки зрения, методологом системно-мыследятельной формации является всякий, кто считает, что по мере возможностей свидетельствует о наличии этой реальности, ее изобличает, выявляет, конструирует и проектирует, экстернизирует. При этом Мыследятельная реальность не мешает ему осуществлять и Богопознание, поскольку функции взаимодействия с Богом также являются духовными — рефлексия, мышление, понимание, коммуникация, действие могут стать предметом анализа в процессе Богообращения и т. д.

Поскольку мыследятельность является реальностью, которая выстраивается на основе созданной схемы как ограниченного символа данной реальности, как своеобразного символа-программного элемента, то, конечно, развернутое представление устройства этой реальности будет очень сильно отличаться от символической представленности этой реальности в виде схемы. Приблизительно так же, как реальная география Северной Америки, населенной индейскими племенами, и представление отцов-пилигримов, отправившихся в США на «Майском цветке», о земле обетованной. Но, кстати, что-то в организации жизни современных США заметно присутствует от этого символа «земли обетованной».

Вопрос о реальности, в которой мы живем, является одним из важнейших вопросов. На этот вопрос может быть три разных варианта ответа:

1. Утверждение, что подобная реальность существует, но она неизвестна.
2. Утверждение, что некоторой единой реальности не существует. Онтологическая работа вообще является устаревшей и необходимы ее захоронение и отмена.
3. Попытка определить и прорисовать данную реальность. Утверждение нового смысла и новых форм онтологической

работы, включающей аксиологическое самоопределение, признание гетеродоксий, разработку современных правовых и экономических систем.

Схема мыследятельности предлагает один из вариантов прорисовки и предьявления подобной реальности.

Очень важно, что данная схема является методологической схемой, поскольку, претендуя на описание реальности, она задает альтернативное представление о практике, выявляя на основе мыследятельных описаний характеристики существующей практики как проблематизируемой, требующей преобразования и изменения. Причем это может организовываться в совершенно разных локусах практики, в разных типах и группах профессиональных сообществ, в разных формах организации деятельности.

Что означает подобное выявление реальности, предьявление реальности, свидетельствование о реальности, проектирование и формирование реальности? Оно означает, что человек, осуществляющий подобную работу, — методолог — не занимается исключительно конструированием некоторых методологических схем и изображений. Он одновременно осуществляет коммуникацию с основными лидерами, стейкхолдерами, носителями данной существующей практики, строит описание их способов действия, коммуникации и мышления и осуществляет проблематизацию сложившихся у них форм и способов мышления.

С этой точки зрения, работа самого системно-мыследятельного методолога тоже осуществляется и организуется на основе схемы мыследятельности: он организует процесс мышления, демонстрирует различные гуманитарные стратегии в слое мыслекоммуникации и разрабатывает сценарии операций действия в ситуации коллективного мыследействования, а также осуществляет понимание той ситуации, с которой он сталкивается, и рефлексию собственных способов работы. Таким образом, выявляемая реальность в очень большой степени определяется тем, в какие активности включен сам системно-мыследятельный методолог, что делает и может делать он сам.

Безусловно, существует разрыв между тем, что методолог может делать сам, и уровнем сложности той активности, которую он схватывает лишь в понимании. Но важно следующее: с точки зрения системно-мыследятельной методологии, каждый раз можно контролировать баланс и рассматривать структуру соотношения процессов мышления, мыслекоммуникации, мыследействования как у самого себя, так и у представителей тех

профессиональных сообществ, с которыми имеешь дело. Собственно, своеобразным допущением, предпосылкой подобной работы, является понимание, что процессы мышления всегда развертываются в определенном «бульоне», в на первый взгляд хаотичной среде мыслекоммуникации, и связаны с определенной ситуацией мыследействия. И более того, реальная организация, энергичные характеристики, материальная фактура и формы протекания всех этих процессов определяются такими особыми «соседствами» и пересечениями.

Каждый из этих процессов, хотя и жестко обособлен от других процессов, вместе с тем не является полностью изолированным от них и автономным. Более того, утверждается, что ни мышление, ни коммуникация, ни действие не существуют сами по себе вне полной системы мыследеятельности. А их вынужденно изолированное существование приводит к неизбежной мыследеятельностной патологии: разрушению и редукции каждого из отдельных процессов — мышления, мыслекоммуникации, мыследействия. Каждый из этих процессов, не будучи зажат и ограничен в его осуществлении другими процессами, входящими в полную систему мыследеятельности, неизбежно подвергается искажению и редукции.

Сам по себе этот факт должен вызывать изумление и удивление. Как же так? Ведь для того, чтобы достичь наивысшего уровня в определенном процессе, необходимо культивировать именно его исполнение. Чем больше его осуществляешь и культивируешь, тем выше мастерство в его осуществлении. Но в данном случае утверждается прямо противоположное: если определенный процесс, например мышление, культивируется вне соотнесения и связи, скажем, с процессами мыслекоммуникации, то это приводит к вырождению самого мышления. Если человек решает хорошо структурированные предметные задачи, но при этом не может объяснить другим, что он делает, и не понимает, чего не воспринимают его оппоненты, — этот дефицит функции понимания проявляется и в мышлении.

Типомыследеятельностные процессы (мышление, мыслекоммуникация, мыследействие) образуют определенное законченное единство в полной системе мыследеятельности. С этой точки зрения, полная система мыследеятельности является своеобразным шаблоном и нормой анализа любого типа активности. Неполная система мыследеятельности, редуцированная к одному или двум процессам, оказывается дефицитной, обладающей выявляемой в ее устройстве и структуре недостаточностью.

Но особые возможности схемы мыследеятельности состоят не только в том, что она позволяет выявлять и описывать характеристики разных типов активности в разных профессиональных сообществах, различных лидерских визионерских группах, корпорациях и разных системах практики, но и то, что она позволяет формировать, выращивать новое существование типомыследеятельностных процессов. Стягивая и завязывая вместе разные профессиональные мышления, разные возможности действия, разные ресурсы понимания, но все это рассматривая как полную систему мыследеятельности, методологи затем должны в этом вновь возникшем организационно-деятельностном месяве найти границы и понятийно-терминологически описать, схематизировать, организационно разграничить протекающие типомыследеятельностные процессы, которые имеют «монструозную», не похожую на привычные образцы форму осуществления. Но подобная «монструозность», как и известные геометрические монстры Лакароса*, могут свидетельствовать о том, что осуществляется выход к действительно новым формам организации мыследеятельностных процессов.

С этой точки зрения, мыследеятельностный подход прежде всего предназначен для того, чтобы создавать новую целостность из независимо и автономно до этого существующих целостностей, вводить человека в незнакомый для него мир и учить его работать с этим незнакомым миром. Системно-мыследеятельностный подход напрямую обясняет, откуда берется этот «конец знакомого мира»** — из переоткрытия, перепроектирования, передескрипирования всех форм и типов активности. Но, безусловно, эта новая передескрипция с элементами перепроектирования и перепроектирование с элементами дескрипции не должны рассматриваться по аналогии с переобозначением в списках некоторых вновь обнаруженных неизменных вещей. Пытка подобного перепроектирования, передескрипции равнозначна переоткрытию на себе в живом реальном осуществлении духовных функций, выделяемых из многочисленных и разнообразных активностей (из всего набора активных форм жизнедеятельностных проявлений человека). Это перепроектирование обязательно предполагает

* См.: Лакарос И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы. М.: Наука, 1967.

** См. соответствующую одноименную книгу: Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004. 368 с.

проживание, реализацию созданных технических схем самим создателем в различных ситуациях.

Но подобное переоткрытие предполагает и переоткрытие истории и ее событий. Ведь действительно, утверждение, что мышление имеет только коллективную форму, что один человек индивидуально «не мыслит, а думает» (хотя для того, чтобы обнаруживать иногда себя в процессах мышления, необходимо много и творчески думать и иметь этот думательный «психофизиологический нарост», как называл думанье А. А. Пинский), подталкивает к тому, чтобы перепрочесть всю духовно-интеллектуальную историю как минимум, да и материальную тоже.

Мыследеятельность в отличие от жизнедеятельности и деятельности

Возможность подобного перепрочтения предполагает необходимость дать ответ на вопрос: от чего отличается мыследеятельность. Или все на свете является мыследеятельностью, поскольку, как мы утверждали выше, схема мыследеятельности претендует на то, чтобы выявлять и описывать реальность? Мыследеятельность как реальность противостоит в конкретных ситуациях витальности — сгусткам жизни, жизнедеятельности как непосредственной форме протекания жизни в форме родовой истории, в том числе с наличием или отсутствием у людей непосредственного желания жить.

Кстати, если этот слой разрушен, и люди просто не хотят жить, никакой мыследеятельностью его не заменишь. Эти жизнедеятельные формы витальностей являются, безусловно, историческим образованием, продуктом всей мировой истории, точно так, как продуктами истории являются семья, брак, язык. Но историческое формирование этих жизнедеятельных образований вынесено в протоисторию, в исходную антропологическую коллективность, в тот исторический горизонт, где ритуал смыкается с мифом, а с другой стороны, возникает их важнейшее противопоставление и отделение друг от друга (В. Н. Топоров).

Здесь важнейшим разделением является соотношение общественных ситуаций и образцов культуры (с соответствующими каналами трансляции этих образцов). Но уже от слоя выделенных систем витальностей, систем жизнедеятельности начинается реальная формационная история с институтами рабства, тер-

риториализациями (привязкой человека к производительным системам земледелия на территории) и детерриториализациями, формированием системы разнообразных рынков, превращением рабочей силы в товар, формированием систем технологического развития на основе внерыночных форм государственного планирования, наконец, трансферта технологий, инфраструктур и институтов, а также трансферта метанститута знания, на основе которого могут переноситься на другие территории новые институты, инфраструктуры, новые технологии.

При развертывании этого огромного (но вполне обозримого, счетного) числа слоев формационно-институциональной истории (отвлекаемся от истории отдельных институтов, таких как театр, общественное собрание, суд, цех, банк, университет, корпорация, войско, академия, Госплан, биржа и т. д.), которая не является мыследеятельной, но предполагает системный и полисистемный анализ, можно зафиксировать, что мыследеятельность как описание становящейся реальности (с которой прежде всего связано формирование эпистемического сообщества, общества развития), противостоит онтологии деятельности и схеме деятельности.

Для Г. П. Щедровицкого и ММК онтология деятельности и соответствующая методологическая теория деятельности непосредственно предшествуют схеме мыследеятельности. И это предшествование, с одной стороны, выражает исторический факт деятельности ММК: сначала была разработана и создана онтология деятельности, лишь позднее появились и стали вводиться системно-мыследеятельные представления; а с другой стороны, обозначает восходящий общественно-исторический тренд от формации внерыночной плановой организации и создания технологических систем к цивилизации другого типа.

Обратите внимание, не возврат к рынку навстречу западному обществу*, а движение принципиально в иную сторону. Мы

* Хотя более жесткой критики советского общества, чем в работах Г. П. Щедровицкого, я не встречал у диссидентов — начиная от анализа диалектического материализма (который оказывался субъективным коллективно-солипсическим идеализмом, вписывающим в устройство общества и природы субъективные представления групп ученых) и до анализа оведомляющего отраслевизма в организации советской экономики, который до сих пор является доминирующей формой построения корпораций рыночного постсоветского хозяйства.

специально даем такую заостренную формационную трактовку переходу от системно-деятельностной онтологии к системно-мыследеятельностной, поскольку считаем, что именно схема мыследеятельности и мыследеятельностный подход определяют и до сих пор определяют линию восходящего тренда общественного развития.

Конечно, подобные утверждения нуждаются в соответствующих доказательствах. Но пока остановимся на данной мысли: мы считаем, что введенная Г. П. Шедровицким и членами ММК схема мыследеятельности обозначала восходящий тренд общественно-исторического развития, находящегося за рамками одновременно и советско-планового, и западно-рыночного общества*. Если хотите, схема мыследеятельности задавала пласт представлений продвинутой практико-ориентированной футурологии и видение восходящего общественно-исторического тренда.

Многие могут нас упрекнуть при разработке подобного подхода, что мы как-то уж слишком лобовым образом вписываем развитие и формирование системно-мыследеятельностных представлений в «марксему», правда, за рамками и границами теории и методологии К. Маркса. Что ж, след трактовок А. С. Шушарина**, благодарного читателя наших скромных работ двадцатилетней давности и работ ММК, действительно не дает нам покоя. Но необходимо иметь в виду, что данная марксема перестает быть марксемой, поскольку в рамках нее вполне принимаются все проблемы о роли и функциях подъема уровня сознания в самых разнообразных мировых практиках, от даосизма до православия, вполне допускаются практики обожения

* См. «...сами выражения "деятельность", "действия", если оставить в стороне их определение через схемы воспроизводства (выделено мной. — Ю. Г.), выступают как выражения чрезвычайно сильных идеализаций, чрезмерных редукций и упрощений, которым в реальности могут соответствовать только крайне редкие искусственно создаваемые и экзотические случаи. В реальном мире общественной жизни деятельность и действие могут и должны существовать только вместе с мышлением и мислекоммуникацией». — Шедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1986. М., 1987 [Перепечатано в: Шедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005]. Цит. по публикации 2005 г. С. 782.

** См.: Шушарин А. С. Полилогия современного мира (Критика запущенной социологии). Книги 1–5. М.: Мысль, 2005–2006.

и синергийные формы мыследеятельности — не синергийной антропологии, но именно синергийной мыследеятельности.

Идея восходящего тренда становится совершенно очевидной, если считать, что схема мыследеятельности выделяется как управляющий надстраивающийся оператор-концепт над системно-деятельностными представлениями. Схема мыследеятельности снимает системно-деятельностные представления, но не уничтожает их, поскольку на основе системно-мыследеятельностных представлений может быть показано, что деятельность есть не что иное, как мыследеятельность, редуцированная до процедуризированных и операционализованных воспроизводимых форм мыслительных действий, которые могут доводиться до уровня операциональных функций и замещаться машинами. Очевидно, что прослеживание подобных снятий осуществляется внутри действительности методологических схем, а не на развернутых представлениях о системе общественных трансформаций и изменений. Но и подобного прослеживания и анализа оказывается достаточно для выявления и фиксации самого намекаемого направления изменений.

Таким образом, в целом вводимая схема мыследеятельности противостоит в нижнем слое жизнедеятельности, жизненному миру, формам витально-родовых активностей; в верхнем слое она отделена от системно-деятельностных представлений. Между системами витальностей жизнедеятельности и системно-деятельностным слоем находится значительное число институционально-формационных слоев, которые еще нуждаются в выявлении и описании их сущности на мыследеятельностном языке. Это фактически снятые слои формационно-институциональной истории (в старом языке истмата — рабовладение, феодализм, капиталистическое хозяйство и т. д.). И выше, над схемой мыследеятельности, располагается историко-формационное методологическое распределенное мышление, которое позволяет анализировать и рассматривать все представленные выше историко-формационные процессы. На подобной схеме мы можем последовательно просматривать весь набор важнейших оппозиций современного общественно-исторического познания: мышление — жизнь, институциональная история — деятельность, институциональная история — мышление. Все эти представленные оппозиции и связи задают определенную методологическую конструкцию проблем общественно-исторического познания на основе введения схемы мыследеятельности как схемы, определяющей становление новой общественно-исторической реальности.

Схема мыследятельности и реальность

Схема мыследятельности является схемой новой становящейся реальности, поскольку она определяет происходящие изменения сложившихся систем порядков и вводит исходно новые формы беспорядков и хаосов, из которых могут возникать и структурироваться принципиально новые системы порядков. Г. П. Щедровицкий постоянно говорил и писал в своих работах про принцип «трех Г» в процессах мыследятельности: гетерохронность, гетерархированность, гетерогенность^{*}. Процессы мыследятельности движутся и развертываются в разных многих временах, процессы мыследятельности обладают многими сменными иерархиями и формами постоянно меняющегося иерархического упорядочивания, процессы мыследятельности состоят из разнородных элементов; и различные организованные в процессах мыследятельности обладают своим собственным автономным генезисом: знаки — своим, сознание — своим, знания — своим, инструменты и орудия — своим, смыслы — своим и т. д.

С этой точки зрения, можно утверждать, что реальность мыследятельности обладает стирающим эффектом по отношению к сложившимся формам порядков, она «сминает», делает недействительными сложившиеся формы таксисов-порядков и предполагает введение новых. В этом контексте очень интересно упомянуть аналогичный ход, который продвигает Ж. Делез, проблематизируя широко представленную в европейской культуре древовидную форму упорядочивания с ее основными функционально-иерархическими членениями

^{*} Ср.: «...Все системы мД будут гетерогенными, гетерохронными и гетерархированными ИЕ-полисистемами». — Щедровицкий Г. П., Котельников С. И. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследятельности // Нововведения в организациях. Труды семинара ВНИИ системных исследований. М., 1983 [Перепечатано в: Щедровицкий Г. П. Избранные труды. — М.: Шк. культ. полит., 1995]. Цит. по публикации 1995 г. С. 135. В другой фундаментальной работе, специально посвященной схеме мыследятельности, Г. П. Щедровицкий дословно повторяет эту фразу. — Щедровицкий Г. П. Схема мыследятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1986. М., 1987 [Перепечатано там же]. — См. публикацию 1995 г. С. 288.

«верхушка — ствол — корень» и вводя на ее место ризому^{*}, ризомальное упорядочивание — когда все замыкается на все, все пересекается со всем, все обменивается на все (Ж. Бодрийяр), и второстепенные ультраслабые связи, не принадлежащие характеристикам данной системы, начинают играть первостепенное значение. Конкретным примером подобных ультраслабых хаотичностей, сминающих устоявшиеся привычные формы организации жизни, является идея посткорпоративного будущего (О. И. Генисаретский) — когда индивидуальный стиль жизни профессионала важнее при его реальном самоопределении, чем корпорация и членство в правительстве.

При описании этих новых форм хаоса связи и разрывы («дюс» и «син», дюс-энергии и син-энергии, дюс-иконии и син-иконии — О. И. Генисаретский)^{**}, приводящие к нарушению границ взаимодействующих систем и, наоборот, к их более жесткому обособлению и видимому оукливанью, увеличению разнородности, возрастающая множественность собираемых в едином поле взаимодействия разнородных образований, позволяет говорить, с точки зрения предшествующих форм нарастания хаоса, о полифонизации и какофонизации гармонического целого: вместо осуществления одного центрального процесса, одной центральной линии движения, одной мелодии в системе, начинают обнаруживаться одновременно три-четыре «нитки» процессов, развертывающихся как бы независимо друг от друга, «под шумок» (одно из любимых слов Г. П. Щедровицкого),

^{*} Ризома (фр. *rhizome* — «корневище») — одно из ключевых понятий философии постструктурализма и постмодернизма, введенное Ж. Делезом и Ф. Гваттари в одноименной книге 1976 года (Deleuze G., Guattari F. *Rhizome*. Paris, Minuit, 1976). Во французском языке слово *rhizome* созвучно с *réseau* — «сеть».

^{**} «Так, синергия... — это лишь один, энергичный срез богочеловеческих отношений, в котором происходит соопределение божественной и человеческой воли. Применительно к сознанию, если оно рассматривается как отличное от воли, сообразнее говорить о *синиконии*, символическом подобии образов и праобразов человеческого и божественного сознаний-умов... Префикс «син» во всех выделенных курсивом терминах зарезервирован нами для того, чтобы подчеркнуть специфическую для обозначаемых им состояний соотносительность с тем (кем), что (кто) находится за их, состояний, пределами, и оставить открытой возможность для их соотносительности с иным». — Генисаретский О. И. Окрест вершин: антропологическое воображение и перфективный праксис // Совершенный человек. Теология и философия образа. М.: Институт востоковедения: Валент, 1997. С. 280—281.

параллельно давая замыкание в форме смыслового взрыва и понимания новой целостности.

Примером является становящееся уже банальностью сближение проблем мирового финансового кризиса и как бы самовспыхивающих (а на самом деле, хорошо подготовленных) военных конфликтов — но до сих их соединение, стягивание в единое поле принимается за некоторое откровение. С этой точки зрения, мыслительность оказывается принципиально открытой системой, границы которой определяются возможностями сознания и формирующегося мышления, способной «вместить» в себя происходящие процессы.

Открытость мыслительности к преобразованиям извне: мыслительностная форма

С этой точки зрения, мыслительность является не только становящейся исторической реальностью, но она, кроме всего прочего, и абсолютно открытая реальность. Открытая к познанию, к проектированию, к формированию и обнаружению новых возможностей, в том числе к тому, какие ставшие формы и принципы мыслительности приобретет. При этом открытость мыслительности к преобразованиям может обнаруживаться парадоксальным образом и извне, и изнутри.

Открытость мыслительности к переопределениям и преобразованиям извне определяется тем, что для нее оказывается ненужной категория целого. Не может существовать «цело-мыслительности», поскольку целым оказывается все то, что может быть втянуто в мыслительность, переорганизовано на основаниях подобного втягивания и включения, а также схематизировано и описано методологическим сознанием как подобная реорганизация. Принципиальным является удержание вместе в едином взаимно сообщающемся комплексе трех слоев мыслительности — мышления, мыслекоммуникации и мыслействования. Наличие трех увязываемых и удерживаемых слоев определяют существование полной, а не редуцированной мыслительности.

Полнота мыслительности с ее обязательной совокупностью взаимопропускаемых друг через друга процессов противостоит целостности. При подобном подходе требуется очень серьезная проблематизация категории формы, и в том числе, трех вариантов категориальных оппозиций, связанных с дан-

ной категорией: «форма—материал», «форма—содержание» и «форма—смысл». По отношению к мыслительности перестает работать особая мыслительная формация, которая Ж. Делезом и Ф. Гваттари со ссылкой на работу Ж. Симондона^{*} была названа гиломорфизмом — наложением статичной неизменной готовой формы на пассивный материал^{**}. Возникает особый вопрос: что характеризует процесс формообразования в мыслительности? Если в работах И.-Г. Фихте было показано, что формой в трансцендентальном идеализме является выявляемое и рефлектируемое мыслительное действие, делодействие, то формообразование в мыслительности связано с мыслекоммуникацией, соотносенной и соорганизованной с процессами мышления и мыслействования.

Мыслекоммуникация не является простой формой психологического общения, где люди в результате обнаруживают некоторую свою общность, мыслительно не выявляемую, но внутренне переживаемую и ощущаемую, часто по типу совместности присутствия в ситуации. Мыслекоммуникация предполагает, что будет зафиксирована максимально возможная разность позиций, за которой стоит разность типов и форм мышления, а также разность ситуаций действия.

С этой точки зрения, мыслекоммуникация является формой «различения» одной позиции и другой, одного представления и другого, одной традиции и другой, одной возможности действия и другой, где единством этих полагаемых различий является сам процесс взаимопонимания в мыслекоммуникации, предельной и одновременно исходной формой которого является способность схватывать интенцию сознания партнера по коммуникации на событие, которое еще только будет. Собственно, этот момент и представлен на схеме мыслительности.

Другое дело, что остается непонятным следующий момент: не зафиксирован ли этот акт-событие мыслекоммуникативного «различения» из некоторой третьей позиции, не представлен-

* Simondon G. L'individu et sa genèse physico-biologique. P: PUF, 1964.

** Гиломорфизм (hylémorphisme, от греч. ὕλη — «материя» и μορφή — «форма, образ») — метафизическое учение, восходящее к Аристотелю, согласно которому актуальная специфическая реальность физического предмета сосредоточена в μορφή, тогда как ὕλη вносит в его бытие лишь потенциальность и ограниченность. Ж. Симондон выносит как критик гиломорфизма, противопоставляя ему сеть (réseaux). — См. также: Simondon G. Individu et collectivité. Pour une philosophie du transindividuel. P: PUF, 1999.

ной и не обозначенной на схеме помимо нарисованных двух. Эта третья позиция, потенциально участвуя в коммуникации, схватывает различие двух взаимодействующих позиций. Затем схваченный в рефлексивном мышлении этой третьей позиции акт-событие «различения» может быть переведен в понятийно-мыслительно фиксируемое различие, которое становится единицей семантических операторов внеонтологического понимающего мышления и дальше может быть превращено в организованность знания. Другими словами, можно предполагать, что на схеме мыслительности обозначен и выявлен акт-процесс проблемной мыслекоммуникации, мыслекоммуникации в ходе проблематизации.

Таким образом, именно мыслекоммуникация в полной системе или мультисистеме мыслительности, захватывающей и стягивающей в единое целое несколько автономно существующих систем мыслительности, является основой процессов формообразования, выявления и предявления некой новой формы событийного процесса, который осуществляется и складывается. Это не просто взаимопонимание, изолируемое и не связываемое с мышлением, или то, что затем не может быть переведено в определенный способ действия. Мыслекоммуникация является тем, что постоянно опосредует и работу процессов мышления, и осуществление мыслей действия.

Вместе с тем «чистота» акта взаимопонимания, способность улавливать ретроспективную (направленную на прошлое) и проспективную (направленную на будущее) свободную спонтанную интенциональность (в отличие от насильно продавливаемой тенденциозности) чужого сознания считывать мыслительные картины сознания, восстанавливать намерение действия другого оппонента, осуществлять эnumerацию интуиций — того, что является очевидным для другого сознания — совершенно необходима для конституирования процессов формообразования в мыслительности и затем для выявления и выделения этих форм на основе рефлексивного мышления.

Так как мыслекоммуникативная событийность в проблемной ситуации является ядром и основой формообразования, в основе которого лежит смысл совместно пережитого события проблематизации, то категории «форма-содержание», «форма-материал» вступают в действие лишь после того, как была выявлена и конституирована мыслительная форма, тем более что и понятие «содержание», и понятие «материал» требуют совершенно иной трактовки и опираются

на совершенно иное понимание в рамках анализа системно-мыслительных процессов.

Содержанием в системе мыслительности оказывается то, что удерживается в силу наличия самой формы, но эта форма должна быть еще выявлена. Содержание как «совместное держание» смысла события — это скорее характеристика самой мыслительной формы как таковой, которая еще должна быть выявлена и схематизирована. Содержание возникает на своеобразном подтягивании к новой схеме выявленной полной мыслительности проработанных мыслительных средств-категорий, семантических различий, типологий, имеющихся схем.

Поэтому мыслительное содержание, а точнее, мультисодержание, разные типы содержаний являются чаще всего программой систематизационной проработки, выявленной в проблемной коммуникации и зафиксированной в виде схемы мыслительной формы, в результате включения этой формы в самые разнообразные мыслительные позиции. При этом мыслительная форма может быть единой, хотя каждый раз и по-разному фокусируемой и проецируемой, а содержания могут быть весьма разными в зависимости от типа предметного и распределенного мышления, в котором осуществляется подобная проработка.

Материалом мыслительности оказываются системы и процессы следующего уровня по отношению к исходной форме мыслительности в виде взаимно организованных трех слов: мышления, мыслительности и мыслекоммуникации. Все дело в том, что любые организованности в процессах мышления, мыслекоммуникации, мыслительности, такие как знание, знаки, схемы, группы и коллективы, смыслы, ценности, сознание, средства, различения, способности и компетенции, технологии, правовые нормы, машины, орудия и инструменты сами оказываются процессуализированы и могут быть представлены как процессы, выступающие либо в виде мыслительных механизмов по отношению к исходным процессам — мышлению, мыслекоммуникации, мыслительности, где под механизмом у Г. П. Шедворцкого понимается не псевдотехнологический машинный апокалипсис, но процесс — поставщик реальности для исходно зафиксированного процесса.

При этом сами процессуализированные организованности — системы и процессы второго уровня реализуются («паразитируют») на процессах третьего уровня и так далее: под рефлексивно-познающими механизмами работы сознания

являются энергичные состояния разных типов осознанностей, за схемами и знаками — констелляции фигури-фоновой визуальной воззрительности, за формами коллективной организации — институционально-правовые и ценностные системы, за технологиями — формы процедуризации и операционализации деятельностных процессов и т. д.

Важнейшей проблемой при проработке категориальной оппозиции «форма—материал» становится анализ границ и пересечения границ мыследеятельностной мультисистемы, а также выявление границ первого, второго, третьего и далее порядков. Порядки мыследеятельностных систем не являются иерархией, они лишь определяют правила анализа, и, более того, очень часто выявление содержательных характеристик в процессах системы третьего уровня переопределяет форму организационных слоев мыследеятельностной системы первого уровня мышления, мыслекоммуникации, мыследействия в соответствии с принципом Виталия Дубровского: замыкания «атома (сегодня следует сказать “наноразмерности”) на универсум». Подобные переходы от систем одного уровня к анализу запечатанных в них систем и далее получили в методологии название матрешечных схем. Анализ мыследеятельностных процессов предполагает обязательное использование матрешечных схем.

Становится хорошо понятно, что мыследеятельностной формы не возникает, и она не выявляется, если происходит опережающее забегание в виде понимания или рефлексивного осознания, результаты которых не могут быть переброшены в качестве материала на «досточки» мышления в различные мыслительные позиции. С этим связан важнейший момент системно-мыследеятельностного подхода, заключающийся в том, что процессы рефлексии и понимания, а также их более сложные синтетические формы: понимающая рефлексия, рефлексивное понимание — имеют совершенно иной статус, чем процессы-слои мыследеятельности: мышление, мыслекоммуникация, мыследействие. Эти процессы имеют статус субъективных функций, но не объективных процессов мыследеятельности.

Вместе с тем отдельный участник мыследеятельностных процессов может забегать в своем понимании за границы того, что может быть понятно в данный исторический момент другими участниками мыследеятельности, а затем ими мыслительно усвоено или как-то включено в ситуацию мыследействия. В таком случае этот оторвавшийся индивидуальный фронт понимания, противостоящий возможности его включения в вы-

являемую форму мыследеятельности, образует основу для анализа мистики, различных профетических систем. Мистика и профетика (осуществляемые пророчества) определяются как раз невозможностью распространить на данный индивидуальный фронт понимания формы полной мыследеятельности. Если потом через какое-то время за счет накопления знаний в различных дисциплинах это становится возможным, результат мистического открытия может быть переведен в продукт сугубо рационального познания.

Мыследеятельностный анализ и антропологическая редукция

Подобное признание безусловной действительности за процессами рефлексии и понимания, за очевидностями сознания и в то же время отделение их от процессов-слоев, которые образуют полную мыследеятельность и ее форму, связано с преодолением опасностей антропологической редукции (не только антропологической редукции в области богословской мысли, о чем писал Х.-У. фон Бальтазар*, но антропологической редукции во всех формах духовной активности — невозможности свести мышление к человеку, деяния к человеку, хотя и мышление и деяние возможны благодаря сознанию человека, а о «марсианском разуме» мы пока ничего не знаем) и запрета на воспроизводство социокультурного, религиозного (любого) фейербахианства при анализе социокультурной реальности в виде антропных онтологий, антропных картин мира.

Все дело в том, что человек и все, что пронизано и оживлено энергетикой его сознания, является всего лишь материалом одного типа наряду с иного рода материалами — веществом природы, знанием, знаками, схемами, правовыми системами, формами организации и т. д. Это все разные материалы, на которых разветвляются и осуществляются процессы мыследеятельности: мышление, мыслекоммуникация, мыследействие. Сами эти материалы при их последующем анализе оказываются процессами второго или третьего уровня, заключенными в контур исходных мыследеятельностных процессов, т. е. находящимися внутри исходной «матрешки» полной системы мыследеятельности.

* «Антропологической редукцией» Х.-У. фон Бальтазар назвал *тотальное очеловечивание всего умозрительного пространства*. — См.: Бальтазар Х.-У. Достояния веры лишь любовь. М.: Истина и жизнь, 1997.

Очень важным, например, является проблема позиционного анализа как одного из способов выявления формы мыследательности, стянутых в единый контур мыслекоммуникативных взаимодействий различных типов мышления и мыследательности. Совершенно справедливо может быть задан вопрос: за счет каких, собственно, антропологических ресурсов обеспечивается позиционное самоопределение: вхождение в новый ролевой контекст, воспоминание некоторого собственного прошлого опыта, актуализация чужого опыта и так далее.

На первый взгляд кажется, что это все единственно содержательные вопросы по сравнению с рисованием «морчков» — фигурок позиций и чисто номинативно-названного их обозначения. Но все дело в том, что механизмы реализации позиционного мышления, а дальше и сознания — это процессы анализа систем второго или даже третьего уровня, поскольку к механизму позиционирования при определенных условиях могут относиться и родовые голоса, о чем писала Ахматова — об устах стомиллионного народа, который позиционно говорит через ее строчки.

А исходным моментом является выявление через набор представленных во взаимодействии позиций самого позиционного пространства, его мерности и мощности, которая может удерживаться в одной из рефлексивных позиций методологического мышления. Эта исходная пространственность мыследательности как ее первофеноменологическая (феноменозидетическая, но не феноменальная, связанная лишь с внешне воспринимаемыми явлениями) форма, в отличие от обнаружения границ мыследательности на основе использования исходной категории процесса, является более важной, чем анализ того содержания, который определяется при рассмотрении позиционной формы самоопределения.

*Проблемная мыслекоммуникация как Zeitgeist**

Можно было бы утверждать, что герелевский Zeitgeist сегодня — это процессы проблемной мыслекоммуникации, собирающие вокруг себя разнопозиционное и разнотипологическое мышление и мыследательствование. При этом деятельность Zeitgeist состоит в том, чтобы максимально разъединять и разводить, «растаскивать» близкие по смыслу содержания, одновременно удерживая их в общем поле взаимопонимания,

* Zeitgeist — дух времени (нем.).

каждый раз затем обнаруживая институциональную форму собитый проблематизации, в которых столкнувшиеся мышления были выявлены как разные.

Именно мыследательность проблематизации и ее формы являются метасетевой структурой, определяющей принципы мировой истории интеллектуалов. Отнюдь не столько коммуникация в интеллектуальных сетях, о чем написано в гениальной книге Рэндалла Коллинза «Социология философов»^{*}, лежит в основе истории интеллектуалов, сколько мыследательность проблематизации с особой ролью проблемной мыслекоммуникации, позволяющей стягивать и одновременно разводить, превращать в особый тип дистаксии — различного и разделенного беспорядка — междивизиционное, межграничное, иное и инаковое. Стыки, складки, зазоры, расщелины, зияния, разного типа нелинейности формируют ландшафт движения разнообразных интеллектуальных групп. Парадоксы, противоречия, антиномии, парадоксалистские образы, странная сведенность в едином клубке взаимоисключающих понятий в виде форм фиксации проблемы являются следом в понимающем мыслекоммуникативном мышлении, к которому следует постоянно обращаться, как к нити Ариадны, для реконструкции интеллектуальной истории.

Собственно, события проблематизации и являются следом в мировой истории интеллектуалов, требующим реконструкции. Мыследательность проблематизации является своеобразной надсетевой активностью, обозначая границы возможного и невозможного на данный момент для интеллектуальных продвижений. Поскольку именно мыследательность проблематизации является замыкающей объемлющей формой, она превращает сетевые взаимодействия (и в виде транслятивных взаимодействий, и в виде других типов коммуникации) в материал для переоформления. Ведущим при этом содержанием формообразования является проблемная мыслекоммуникация. Тезис Рэндалла Коллинза на основе системно-мыследеятельностного подхода можно было бы принять в следующем уточненном виде: именно проблемная мыслекоммуникация в сетях является важнейшим элементом мировой истории интеллектуалов.

Но мы-то считаем, что именно институт проблематизации в виде полной мыследательности проблематизации, включаю-

* Коллинз Р. Социология философов. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

щей антиномичные формы мышления, мыследеятельность интеллектуального противоборства и, конечно, проблемная мыслекоммуникация как основа диалектического дискурса составляет основу интеллектуальной истории; история становления и развития данного института, собственно, и нуждается в реконструкции. Диалектические поединки Платоновской академии, диалектический диалог-состязание в буддистских школах, спор-диалог китайских неоконфуцианцев и т. д. являются предметом специального анализа для системно-мыследеятельностного подхода.

В настоящий момент одной из важнейших задач является перенос принципов анализа и организации мыследеятельности проблематизации на межцивилизационный диалог с введением метакультурной позиции, позволяющей осуществлять цивилизационное распрямление, выходить за рамки «эгокультурности» (А. С. Шушарин). Одним из важнейших принципов мыследеятельности проблематизации в межцивилизационном диалоге является трансграничная идентичность, позволяющая обнаруживать собственную социокультурную идентичность при перешагивании через цивилизационную границу.

Системно-мыследеятельностный подход как эпистемологическая программа

При разработке мыследеятельностных представлений очень важно ответить на вопрос, в какой тип знания должны оформляться создаваемые представления, что собой должно представлять знание про мыследеятельность, как должно быть устроено мышление про мыследеятельность. По всей видимости, речь должна идти о формировании методологических теорий мыследеятельности в форме специальной методологической дисциплины.

Первоначально можно было бы считать, что задача заключается в том, чтобы построить особую дисциплину — «Методологическую теорию мыследеятельности», — соотносимую с «Методологической теорией деятельности». Но на рубеже 1975–1979 гг. в ММК Г. П. Щедровицким была предложена совершенно особая эпистемическая структура — подход.

* См., например: Щедровицкий Г. П. Методологический подход как средство объединения знаний из разных научных предметов // Методологические аспекты взаимодействия общественных, естественных и технических наук. Тезисы докладов. М.; Обнинск, 1978.

Основная идея подхода заключается в постоянном отслеживании и организации в формируемых мыслительных пространствах соотношения реализуемых, реально осуществляемых деятельностных схем (позиционных, инструментальных, аксиологических и т. д.) и объектно-онтологических, модельно-идеализационных представлений. Видение объекта и схема объекта соотносятся с определенной деятельностной возможностью, с тем, что реально осуществляет и продлевает мыслитель, в данном случае методолог.

Если одна и та же схема может рассматриваться и как объектно-онтологическая, и как организационно-деятельностная, она получает статус принципиальной схемы, схемы-принципа. Таким образом, и идея принципа получила новую эпистемическую трактовку. Принципом является то, что может деятельность реализовываться, проживаться в мышлении как собственная личностная позиция на основе использования определенного средства, следования данной ценности, утверждения определенного видения, использования практической схемы действия. И одновременно принцип — это то, что допускает на основе перепроецирования объектно-онтологическую интерпретацию, начинает интерпретироваться и рассматриваться как объект.

Объектно-онтологические и организационно-деятельностные, реализационно-деятельностные схемы не могут быть совмещены в одной плоскости. Они для своего различения требуют введения специального многоплоскостного пространства — пространства ортогональных проекций, в котором проекция одной плоскости на другую невозможна или, говоря математических языком, проекция одной плоскости на другую дает ноль, ничто*.

Можно утверждать, что именно в этом месте происходит восстановление определенного элемента картезианской методологии, принципа дуализма, понимаемого весьма особым образом. Эпистемический дуализм мыследеятельностных представлений состоит в том, что объектно-онтологические структуры несоместимы и несоединимы со структурами схем реально осуществляемой деятельности в процессах мышления. Этот эпистемический элемент картезианства требует нового прочтения всей истории мышления, поскольку при анализе

* Как во время одной из дискуссий предложил определять соотношение ортогональных проекций замечательный ученый Побиск Кузнецов.

любого философского, научно-философского или религиозно-философского представления — будь то концепция идей Платона, Ума Плотина, Трех Ипостасей Единосущной Троицы, Мистагогии (тайноводства) Максима Исповедника, Знания Фихте, Абсолютного Духа Гегеля — каждый раз будет необходимо в методологическом слое анализа различать, какой деятельностный принцип, какую схему реализовывал мыслитель, а что, собственно, выделялось им в виде объектно-онтологического представления.

Любая Лейбницевская барочная складка*, возникающая в виде семантико-типологического различения в мыслекоммуникации, любой вычленимый стык может быть разложен в мыслительном пространстве на систему ортогональных проекций с различением объектно-онтологической и организационно-деятельностной плоскостей. Разработка и создание эпистемической структуры подхода с отдельно выделяемыми процессами объективации, онтологизации, реализации, типологизации, систематизации и, наконец, системной типологизации, позволяет задавать вполне определенные требования к гуманитарному знанию.

Эти требования выполняются на основе мышления, которое, с одной стороны, принадлежит системе мыследетельности, являясь одним из ее слоев наряду с мыслекоммуникацией и мыследействованием, а с другой стороны, является трансцендирующим, выходящим за рамки системы мыследетельности, мышлением. Г. П. Щедровицким был создан очень сильный и важный символ — «чистого мышления». Именно чистое мышление является трансцендирующим, с одной стороны, по-фихтевски ракоходным, пятящимся в генетическом анализе назад, выявляющим основания и принципы, которые привели к складыванию именно данной системы мыследетельности. С другой стороны, «чистое мышление» противостоит всякой феноменальности, эмпиричности и требует каждый раз очевидного обнаружения и утверждения духовной основы мысли.

Мыследетельностная трактовка трансценденции. Трансценденция и «чистое» мышление

Для того чтобы выделять и конкретно анализировать мыследетельностные процессы как субстанциальные характери-

стики устройства современного мира (и здесь мыследетельностный подход приходит в соприкосновение с современными трактовками спинозизма в работах как отечественных исследователей — Э. В. Ильенкова, так и зарубежных — прежде всего Ж. Делеза), необходимо иметь мышление, которое осуществляет трансценденцию — трансцендирование за рамки сложившихся форм деятельности, и создает схемы для действия человека, на основе которых и могут выделяться субстанциальные характеристики современного мира.

Впервые трансценденцию как мыследетельностный процесс предложил рассматривать Н. Г. Алексеев. За счет трансценденции человек осуществляет выход в поле определенных возможностей действия. Это занятие человеком определенной позиции мышления прежде всего по отношению к будущему, характеризует его способ существования в отличие от эссенциалистских (сущностных) форм мышления* характеристик противостоящего ему объекта. Важно не то, как устроен объект, а то, что делает сам человек, задавая свое представление об устройстве ситуации.

Трансценденция является выходом за границы сложившихся институционально-деятельностных возможностей, которые выявляет человек, осуществляя процесс восхождения к более высокому уровню организации сознания. Трансценденция — это метаинституциональное действие личности. Но одновременно — это и попытка наметить, увидеть, вычленить новый уровень организации жизнедеятельности. Человек, повышая уровень организации сознания, «тянет» за собой в своем видении уровень организации жизни. Более высокий уровень организации сознания позволяет воспринимать интенсивнее организованной и жизнь.

Но это видение не является видением объекта, онтологией. Это скорее онтика, поскольку, выстраивая подобное сущностное видение, человек сохраняет предельную чувствительность к тому, каким видением складывающейся формы жизни обла-

* Критику эссенциалистского мышления см. в работах С. С. Хоружего, который противопоставляет ему энергичный дискурс русской философии. Следствием общей критики эссенциального дискурса, или же «преодоления метафизики», по формуле Ницше, становится тезис об отказе от эссенциалистской модели человека, или о «смерти человека Аристотеля—Боэция». См.: Хоружий С. С. Современные проблемы православного мирозерцания. М., 2002.

* См.: Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997.

дают другие люди, с которыми он находится в процессе мыслекommunikации, какую позицию они занимают, на каком уровне организации сознания они находятся. В этом случае создаваемая им схема не вытесняет тех картин сознания, которые выявляются при взаимодействии с другими людьми. Другое дело, что для того, чтобы действовать, необходимо осуществлять процесс проблематизации данных картин сознания. Собственно, проблематизация является основным поединком-ритуалом действия интеллектуалов (если пользоваться языком Рэндалла Коллинза), начиная с возникновения в европейском ареале сократо-платонического диалога.

Таким образом, человек, формирующий практику будущего, — это личность, осуществляющая практику личностного развития и восходящая к более высоким уровням организации сознания на основе трансцендирующего мышления, позволяющего построить схему действия и находящегося в мыслекommunikации с другими участниками общественной практики.

Схемы, выделяемые в мышлении, трансцендирующем по отношению к сложившейся форме жизни, являются продуктом и средой чистого мышления. Именно на их основе осуществляется преодоление сложившейся практики. Такие схемы представляют собой альтернативу сложившейся практике, и именно они могут стать средством проблематизации иного типа привычных сложившихся видений у других участников ситуации. Именно теоретическое чистое мышление направлено на формирование новой практики, поскольку его интересует истина, и оно противостоит сложившейся практике.

Но это чистое мышление, обнаруживающее свою действительность в идеальных схемах и виртуальных формах движения, «лестницах» восхождений и нисхождений, связанной системой переходов с рядами других мышлений: рефлексивным метамышлением, которое надстраивается и охватывает и коммуникацию, и мыследействие, и само чистое мышление; понимающим «семантическим» мышлением, движущимся в различениях и смысле; операционально-конструктивным мышлением на моделях и схемах; категориально-языковым мышлением; мыслекommunikативным мышлением в ситуации коммуникативных взаимодействий; мышлением в ситуации действия и т. д. Чистое мышление выступает завершающей предельной точкой этих разных типов мышления, включенных и осваивающих полную систему мыследейтельности, разные типы материально-языковых, знаковых элементов, включая и состояния сознания.

Но само чистое мышление может рассматриваться и как идеально-спекулятивный элемент этого ряда, и как виртуальная сфера вышеупомянутого ряда различных типов мышления. Идеально-спекулятивный элемент связан с обособлением и выделением мыслительности рассуждения как способности рассудить, осуществить суждение в отношении к идеальной строго выделенной и очерченной характеристике, к идеальному предмету. Этот идеально-спекулятивный элемент полагается как ядро синтетического типа духовной активности мышления, отделяемой от других духовных активностей: понимания-уразумения; проникающей понимающей воззрительности-вообразительности; рефлексивной осознанности; целепостановки и целеобретения; нахождения четкой словесно-терминологической формы номинативной фиксации и т. д. Это выделение чистого мышления — мышления априори — из других типов и форм духовной активности необходимо для опознания мыслительности как таковой с тем, чтобы вернуться к полноте всех оттенков и форм всех типов мышления и целостности духовной активности в реальном практическом осуществлении.

Чистое мышление как виртуальная сфера является открытой областью принципиально новых возможностей, внутри которой развивается не столько отдельный человек, сколько обнаруживает свое становление сам человеческий род. Здесь возможно и образование новых мыслительных языков, которые еще только формируются и должны быть обнаружены; и «мышление на высоких скоростях» (О. И. Генисаретский), трансформирующие и снимающих материально-телесное присутствие в мышлении; и мышление, переворачивающее перспективу видения (проектности прошлого и историцизмы будущего); и различные системы коллективно-сетевое мышления с поиском новой фигуры антропоса в мышлении на основе постановки принципиального вопроса: «Кто, собственно, мыслит?»; и новые формы проблематизации и фиксации проблем, новые типы перспективно устремленной активности в форме мыслительного визионерства.

Хорошо понятно, что без выхода в чистое мышление новых возможностей — совсем неаприорное, но виртуальное Мышление Становления, раслапывающее однозначность устоявшихся различений и границ, — размышлять о развитии и намечать горизонты развития невозможно. Это связано с тем, что развитие охватывает весь земной шар и все человечество и не может существовать российского развития в отличие от фран-

цузского развития, поэтому в Трансцендирующем Мышлении Становления придется устанавливать границу между индивидуальными формами осознания, коллективно-сетевыми ресурсами понимания и родовой памятью.

Мышление Становления, образующее основу Философии Развития, для нас интересно и принципиально только как Мышление Спасения. Но Мышление Спасения интересно нам как мышление средней линии, по поводу которого нельзя с определенностью сказать, что оно источник религиозного вдохновения и благодатных энергий. Но одновременно это точно не мышление нисходящих токов. Это мышление, выдвигающееся на новые, пока неосвоенные территории. В таком мышлении линия восходящего движения, восходящих трендов только нащупывается. Но именно здесь и заключена его ценность — это мышление осуществляет поиск путей продвижения к будущему. Альтернативой подобного подхода является рассмотрение мышления как некоторого автоматически действующего аппарата, своеобразного механизма, который незамедлительно с механической неизбежностью выдает нужный рецепт при нажатии на нужную клавишу.

Предметно-гуманитарное знание про мыследеятельность и развитие мыследеятельностных представлений «изнутри»

Гуманитарное знание про мыследеятельность предполагает развертывание значительного количества предметных исследований в самых разнообразных практиках — образовательной, политической, инженерной, финансово-экономической, юридической и пр. Эти предметные исследования связаны с рассмотрением происхождения и форм употребления самых разных организованностей в мыследеятельности — знаний, схем, сознания, способностей, компетентностей, институтов, в частности института собственности, финансовых институтов, промышленных производств, например их кластерной организации.

Эти предметные исследования, центрирующиеся на самых разных организованностях, могут строиться как самый разнообразный набор научно-предметных дискурсов в самых различных дисциплинах (психологии, педагогике, экономике, лингвистике, семиотике, политологии, социологии, антропологии), как

комплексные полидисциплинарные дискурсы, как метапредметные, допускающие особый тип рефлексивно-мыслительной интеграции различных знаний, распределенные, непредметизуемые и так далее.

Но, обсуждая проблему формы мыследеятельностных процессов, мы анализировали развертывание мыследеятельностных представлений извне, с точки зрения захвата и периформативирования мыследеятельностью все новых и новых других мыследеятельностей, мышлений, мыследействований на основе проблемной мыслекоммуникации. А бесконечность развертывания мыследеятельностных представлений может осуществляться и изнутри, на основе взаимного пропуска и «выворачивания» каждого из трех процессов мышления, мыслекоммуникации, мыследействия через три других*.

Конечно, само разделение на «вне» и «внутри» является весьма условным, и, более того, идущие одновременно процессы интериоризации и экстериоризации делают недействительным фиксированное разделение на внешнее и внутреннее. Сама граница этого разделения постоянно движется и плывет. Она плывет и в структурах сознания. Понятое одним человеком объективируется при помощи схем и становится достоянием группы, преобразованная форма организации мыслекоммуникации группы меняет способы понимания отдельного человека. Именно данное обстоятельство — постоянная сдвигка и изменение в мыследеятельности границы внешнего и внутреннего — делает недействительным теорию Л. С. Выготского о формировании психических функций на основе интериоризации, но оставляет весьма актуальным культурно-исторический подход к анализу происхождения различных мыследеятельностных процессов.

В результате вышеобозначенного взаимного пропуска различных процессов друг через друга мы получаем новую систему из девяти процессов: «чистое» мышление, мыслекоммуникативное мышление, мыследействовательное мышление; мыслительную мыслекоммуникацию, мыслекоммуникацию как такую, мыследействовательную мыслекоммуникацию; мыс-

* См., например: «Я не говорю, что мысль есть только коммуникация. Я говорю: мысль существует как коммуникация, как чистая мысль, как мыследеятельность, и это разные формы существования мышления». — Щедровицкий Г. П. Мыследеятельность, рефлексия и мышление // Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. С. 569.

лительное мышледействие, мыслекоммуникативное мышледействие, мышледействие как таковое.

Подобное усложнение набора процессов построено на мыслительном приеме, в свое время предложенном С. В. Наумовым, который получил название «выворачивание» целостной схемы через определенный фокус. Сохранение исходной целостности предполагает одновременное «выворачивание» всех составляющих через все обозначенные фокусы. В данном случае три слоя мышледеятельности выступают как три фокуса, через которые осуществляется «выворачивание» всего набора мышледеятельностных процессов.

Неформалистичная неабстрактная допустимость подобного выворачивания оказывается возможна, поскольку в каждом из процессов, как настаивал на этом Г. П. Щедровицкий, представлены и отображены другие процессы прежде всего за счет действия рефлексии и понимания. В мышлении представлены мыслекоммуникация и мышледействие, но в соответствии с принципами организации мышления в мышледействии — мышление и мыслекоммуникация, в мыслекоммуникации — мышление и мышледействие.

Осуществление подобного взаимопроецирования различных мышледеятельностных процессов друг по отношению к другу ставит задачу различения близкородственных процессов, полученных в результате данной мыслительной процедуры: мыслительной мыслекоммуникации и мыслекоммуникативного мышления; мыслительно организованного мышледействия и мышледействовательного мышления; мыслекоммуникативного мышледействия и мышледействовательной мыслекоммуникации.

Что означает введение подобного типа различий? Оно предполагает оснащение организацией данных процессов различных практик: образования, разведки, стратегирования, переговорных процессов, интернет-взаимодействий. Появление данных различий на схеме может еще ничего не означать. Это пока некоторая формально-мыслительная версия дальнейшего усложнения мышледеятельностного универсума. Решающий момент заключается в том, как эти различия будут проживаться и превращаться в индивидуальные и коллективный опыт методологов, которые работают с данными процессами.

Мыследеятельностный язык допускает принципиальный диспараллелизм, несводимость в проработке мышледеятельностных процессов объективирующей и субъективирующей

рефлексией. С одной стороны, на схеме мышледеятельности обозначаются процессы, которые могут и должны анализироваться как объективно развертывающаяся реальность, а с другой стороны, они описываются и интерпретируются как интеллектуально-духовные функции.

Возможность использовать одновременно при анализе мышледеятельностных процессов / интеллектуальных функций и объективирующий, и субъективирующий язык создает особый тип гуманитарной стратегии по развертыванию мышледеятельностных представлений. Этот тип стратегий предполагает выращивание и отработку на себе группами методологов целого ряда мышледеятельностных функций при решении определенных практических задач с одновременным выделением данных процессов на схемах.

Можно утверждать, что и проработка системно-мыследеятельностных представлений является формой выращивания коллективами методологов и игротехников функций на себе при помощи схемы мышледеятельности. А разve различные разума и рассудка, понятия как субъекта мышления, способности суждения, синтетического суждения априори, силы воображения, чистого мышления, практического разума не является таким же набором интеллектуальных функций, выращенных небольшим коллективом из 30–40 немецких интеллектуальных подвижников-визонеров и затем в особой форме оттранслированных мировому сообществу? История процессов создания целой совокупности интеллектуальных функций различными группами интеллектуалов в мировой истории является важнейшим направлением сопоставительного изучения системно-мыследеятельностных представлений и иных способов описания работы сознания, работы с мышлением, пониманием, действием.

Можно, в частности, утверждать, что различие мыслекоммуникативного действия и мышледействовательной коммуникации (обмена пониманиями различными возможностями действия) является очень важным при проведении международных сессий стратегического сценирования, одного из вариантов организационно-деятельностных игр, нацеленных на разработку сценариев действия. В ходе подобных сессий очень важно различить варианты возможных действий, предъявляемых для обсуждения в коммуникации, и сценарий действия, обеспечивающий сдвигу данной ситуации. Выявление возможных действий в коммуникации и определение конкретного действия составляет, на наш взгляд, основу обсуждения целого ряда

финансово-правовых и международных контекстов, в частности анализа ситуации мирового финансового кризиса.

Но схема мыследеятельности с самого своего возникновения была связана с практикой проблематизации, реализуемой в организационно-деятельностных играх. Ее появление было связано с выявлением и прорисовкой Г. П. Щедровицким реальности индивидуальных профессиональных мышлений как принципиального ограничения мыслекоммуникации между участниками игровой работы в ходе ОДИ-3*. После своего создания схема мыследеятельности становится одним из обязательных элементов методологической технологии управления игрой.

Типомыследеятельностный и типодейятельностный анализ как гуманитарная стратегия

Гуманитарная стратегия конкретизации мыследеятельностных представлений предполагает дифференциацию и разли-

* «Необходимость противопоставлять отдельного участника игры группе в целом по каждому интеллектуальному процессу — по мысли-коммуникации, по пониманию, по рефлексии, по мышлению и, наконец, по мыследействованию — как раз и являлось тем важнейшим моментом, который в 1979—1980 гг. в ходе ОДИ-1, ОДИ-2, ОДИ-3 сдвинул дело с мертвой точки. Особенно резко это выявилося в августе 1980 г. в ходе ОДИ-3: в процессе дискуссии в одной из игровых групп сложилась такая ситуация, когда один из участников общей работы в группе — М. Г. Меерovich — должен был во что бы то ни стало показать, что у него как молодого или «нового» архитектора, несмотря на то, что он участвует в общей коммуникации и должен участвовать в общем действии, совершенно другое содержание мышления, нежели у остальных членов группы, которых он называл «старыми» архитекторами. И, чтобы зафиксировать и сделать этот момент наглядным, М. Г. Меерovich зарисовал на схеме, которая изображала расстановку позиций во время дискуссии и затем была названа организационно-деятельностной, рядом с каждым знаком позиции еще особую доску (или отдельный лист бумаги), на которой строились индивидуальные схемы содержания мышления, и наотрез отказался переносить какие-либо схемы со своей индивидуальной доски на общую доску группы и обратно — с общей доски на свою индивидуальную доску. В силу этого индивидуальное мышление, осуществляемое на индивидуальных досках (или листах бумаги), отделилось от общегруппового процесса мысли-коммуникации и получило свое собственное схематическое (и потому материализованное) обозначение и выражение». — Щедровицкий Г. П. Схемы мыследеятельности... Цит. по изд. 2005 г. С. 773.

чение типомыследеятельностных и типодейятельностных представлений.

К типомыследеятельностным относятся разные типы мышлений, типы мыслекоммуникаций, типы мыследействований, а также предложенные нами пересечения исходных процессов: мыслекоммуникативные мыследействия, мыследействовательные мыслекоммуникации и т. д.

К типам деятельности относятся разные типы исследовательской, проектной, изыскательской, конструкторской деятельности, деятельности руководства, организации, управления, деятельности разведки, сценирования, оргпроектирования, прогнозирования, программирования. Эти типы деятельности требуют своей конкретизации на основе системно-мыследеятельностного подхода, предполагающего введение представлений о том, как строится, например, в проектной мыследеятельности проектная мыслекоммуникация, проектное мыследействие, проектное мышление и т. д., какие дисфункции и новые возможности могут возникать в данной проектной мыследеятельности, если, например, функции проектного мышления будут выполнять конструкторское мышление.

Подобные сложные типы пересечений типомыследеятельностного и типодейятельностного анализа очень близко подходят к анализу важнейших форм деятельности, таких как труд, учеба, игра, борьба. Например, реализация проектной мыследеятельности на основе конструкторского мышления является особым типом искажением соответствия всех слов мыследеятельности одному типу деятельности — проектному, когда в системе проектной мыследеятельности осуществляются соответимые и связанные друг с другом на основе рефлексии и внимания проектное мышление, проектная мыслекоммуникация и проектное мыследействие.

Но подобные (часто специально осуществляемые) искажения как раз характеризуют игровую мыследеятельность. Так, в частности, Г. П. Щедровицкий описывал смысл ОДИ-1 и ОДИ-3, когда необходимо было складывать мыследеятельность программирования, а собравшиеся дизайнеры умели лишь проектировать. Таким образом, проектное мышление в игре использовалось в функции программирующего мышления на основе проблемной мыслекоммуникации, организованной руководителем игры и группами методологов.

Соотношение форм деятельности, типов деятельности и типов мыследеятельности задает одну из основных линий гуманитарной стратегии разработки мыследеятельностных представ-

лений. Безусловно, полное изображение подобных представлений может быть осуществлено только в рамках специально создаваемой энциклопедии «Мыследеятельностные науки и практики». Разработка подобных специальных инструментальных представлений совершенно необходима, потому что непосредственно ответить на вопрос, что представляет собой разветвляющаяся перед нами конкретная активность — просто жизнедеятельностное поведение, деятельность, мыследеятельность — невозможно. Для этого надо проводить специальные рассуждения и исследования.

Мыследеятельность и эпистемические единицы

Анализируя и обсуждая корпус мыследеятельностных представлений, мы должны четко зафиксировать, что эти представления конституируются следующими отличающимися друг от друга эпистемическими единицами: схемой мыследеятельности, онтологией мыследеятельности, категорией мыследеятельности, мыследеятельностным универсумом, мыследеятельностью как мировой рамкой, теориями мыследеятельности, системно-мыследеятельностным подходом.

Схема мыследеятельности является схемой-принципом, позволяющим использовать ее и в объектно-онтологической функции, и в организационно-деятельностной, реализационно-имплементирующей функции. Данная схема является исходной клеточкой целого класса схем, позволяющих детализировать мыследеятельностные представления: разворачивать процессы мыследеятельности, выделять различные структуры и связи из слоев мыследеятельности, рассматривать происхождение и употребление в мыследеятельности различных организационностей (знаний, схем, знаков, способностей и т. д.), выделять процессы следующего уровня анализа, являющиеся материалом для исходных процессов — мышления, мыслекоммуникации, мыследействия.

Использование данной схемы в виде формы, позволяющей осуществлять проживание определенных процессов и организовывать действие, позволяет артифицировать и оестествлять мыследеятельностные процессы в различных ситуациях методологической работы, а также обнаруживать принципиальную связь между типом реализуемой схемы и формой объектно-онтологических представлений.

Онтология мыследеятельности является на настоящий момент предельной онтологией в отличие от предметных и объемлющих онтологий. Она позволяет рассматривать все, проис-

ходящее в ситуации, как разветвляющееся внутри процессов мыследеятельности, включая и молитвенно-литургическую мыследеятельность, и процессы богопознания, и процессы познания природы (например, изменение климата), а также политические процессы.

Категория мыследеятельности, различаясь с категорией деятельности и жизнедеятельности, позволяет зафиксировать полноту мыследеятельности как единство трех протекающих процессов — мышления, мыслекоммуникации и мыследействия — в функциональных различениях этих процессов друг от друга. При помощи данной категории фиксируется не мыслительная деятельность, не деятельность мышления (как ряд российских философов начинали воспринимать мыследеятельность, справедливо считая, что мышление это не деятельность), а именно странное универсальное единство трех слоев, взаимно удерживающихся друг относительно друга, но также соотносённых на основе рефлексии и понимания. Важным категориальным противопоставлением является различие мышления как слоя внутри системы мыследеятельности и методологического мышления, в котором, например, используется схема мыследеятельности, категория мыследеятельности и т. д.

Мыследеятельный универсум является попытка рассмотреть изменение и формирование в истории различных систем мыследеятельности, различных типов мыследеятельности — разных видов коммуникации, мышления, мыследействия; в том числе и процессы происхождения мышления, языка, сознания. Так, например, обозначенный в гениальных работах В. Н. Топорова, происходящий, по всей видимости, во всех культурах процесс формирования мифологических структур, мифопоэтического сознания на основе ритуального мыследействия требует специального анализа на основе мыследеятельностных представлений и различий, мыслекоммуникации и мыследействия. Процесс генезиса культуры из ритуального жеста точно так же предполагает анализ мыследеятельностных представлений ритуала. В этом случае мыследеятельность начинает выступать как своеобразная мировая рамка, необходимая для анализа процессов культургенеза и антропогенеза.

Теориями мыследеятельности являются частные методологические теории: предметные, полидисциплинарные, комплексные, метапредметные, распределённые, в которых ставится задача описать генезис и употребление (использование) в процессах мыследеятельности различных организованных

(знаков, институтов, схем, способностей, компетентностей, знаний и т. д.).

Системно-мыследеятельностный подход является сложным методологическим средством, особой эпистемической структурой, позволяющей координировать объектно-онтологические представления о процессах мыследеятельности, связях процессов, организованностей, материалов (в соответствии с категорией системы) и формы задействования, реализации, проживания данных представлений как на основе исторического анализа, так и на основе практических мероприятий — ОДИ, сессий, ситуационных анализов и т. д.

III. Эпистемология и семиотика

Б. В. Сазонов

Понятие «проблема» и процессы проблематизации в ММК как ключевые для понимания методологического мышления

Московский методологический кружок на разных этапах обращался к разным представлениям о «проблеме». В том числе представлениям функционально близким, но проходящим под другими терминами. Эти представления существенным образом повлияли на начальное построение и трансформацию «теории мышления» в ММК. Но параллельно Московский методологический кружок «собственноручно» осуществлял мыслительную деятельность и рефлексировал ее, и в этих процессах важнейшее, едва ли не центральное место занимали процессы и процедуры проблематизации. Таким образом, обращение к теме «проблема и проблематизация в истории ММК» предполагает необходимость разбираться в этой достаточно сложной, многослойной и в каком-то смысле синкретической действительности.

Я остановлюсь более подробно на первом этапе ММК, а именно на содержательно-генетической логике, на принятых в ней представлениях, близких к понятию «проблема» и их роли в конструировании представлений о «мышлении», «мыслительной деятельности».

Как неоднократно заявлял Г. П. Щедровицкий, эти представления в дальнейшем получили серьезную трансформацию, были развиты, менялись, критиковались, в том числе и отрицались в каких-то существенных деталях. Однако основной корпус идей и методологических подходов, намеченных в первый пе-

V. Опыт игры

Л. М. Карнозова

Организационно-деятельностная игра

Если человек от природы правоверен («благомыслящий» на новоязе), он при всех обстоятельствах, не задумываясь, знает, какое убеждение правильно и какое чувство желательно. Но в любом случае тщательная умственная тренировка в детстве, основанная на новоязовских словах «самостоп», «белочерный» и «двоемыслие», отбивает у него охоту глубоко задумываться над какими бы то ни было вопросами... Первая и простейшая ступень дисциплины, которую могут усвоить даже дети, называется на новоязе *самостоп*. Самостоп означает как бы инстинктивное умение остановиться на пороге опасной мысли. Сюда входит способность не видеть аналогий, не замечать логических ошибок, неверно истолковывать даже простейший довод, если он враждебен ангсоцу, испытывать скуку и отвращение от хода мыслей, который может привести к ереси. Короче говоря, самостоп означает спасительную глупость.

Дж. Оруэлл. 1984

Факты свидетельствуют о том, что мы должны либо измениться, либо исчезнуть. Чтобы, не теряя времени, начать

свое совершенствование и приступить к решению трех приоритетных проблем, нужно полностью перестроить свой образ мыслей... Однако мышление людей еще не подготовлено к такой всесторонней революции.

Кинг А., Шнайдер Б.
Первая глобальная революция.
Доклад Римского клуба

Организационно-деятельностная игра (ОДИ) — это специфическая форма организации коллективной работы (деятельности и мышления, но не только — а еще и коммуникации, понимания, рефлексии) в проблемных ситуациях. ОДИ не имеет аналогов, это уникальная форма, которая появилась как практика системомыследеятельностной методологии, ставившей своей задачей разработку новых форм организации и средств развития коллективной мыследеятельности [36—39, 44].

Сегодня кажется, что ОДИ не могла не появиться. Те задачи, которые ставила методология, разрабатываемая в Московском методологическом кружке (ММК), должны были раньше или позже привести к появлению собственной практики, выходящей за пределы эзотерического, замкнутого на себя существования методологии. И теперь, думаю, невозможно понять смысл и содержание методологии ММК без и вне игрового периода. Некоторые методологи, не принимавшие участия в играх Г. П. Щедровицкого 1980-х гг. (но многие почти неизбежно вынужденные участвовать в последующих игровых «мероприятиях» более позднего периода, поскольку методологии ММК от игровых форм уже — пока, во всяком случае, — никуда не деться), когда-то с пренебрежением говорили: «Прежде методологи изучали мышление Канта, а теперь марья ивановны» (или нечто подобное). Но такое отношение демонстрирует даже не снобизм, а, скорее, отсутствие этого опыта; его нелегко понять со стороны. Но точно так же, видимо, как и вообще методологию ММК, поскольку «методология — это не просто учение о средствах и методах нашего мышления и деятельности, а совершенно особая форма организации (и в этом смысле «рамка») всей деятельности, мышления и жизнедеятельности людей», а следовательно, «методологию нельзя передавать как знание или набор инструментов от одного человека к другому, а можно лишь *выращивать*, включая людей в новую для них

сферу методологической деятельности и мышления, обеспечивая им там *полную и целостную жизнедеятельность*» [39. С. 251]. Осознание этого обстоятельства и привело к постановке на повестку дня вопроса о поиске соответствующих форм практической организации коллективной деятельности и мышления, коллективной формы жизни, куда могли бы вовлекаться не только методологи, но и широкие слои разного рода профессионалов.

Безусловно, я пристрастна в своем отношении к ОДИ, поскольку вошла в ММК в игровой период. И, осознавая это ограничение своей позиции, постараюсь тем не менее показать, что ОДИ стала кульминацией в развитии методологии ММК — в этой игровой практике удалось сочетать несочетаемое, реализовать то, что, казалось, существует только в действительности «чистого мышления», проблематизировать и расширить корпус методологических представлений Кружка. «Долгий период с 1952 г. по 1976 г. можно считать первым, инкубационным, периодом предистории и становления ОДИ», — утверждал Георгий Петрович Щедровицкий [39. С. 252]. Другими словами, всю предшествующую историю Кружка он рассматривал как своего рода подготовку к игровому этапу ОДИ, замечает Г. П., могла появиться только на четвертом этапе развития ММК*, «когда произошло объединение системомыслительных и системодействительных представлений и методов и сформировалось принципиально новое представление о мыследеятельности» [39. С. 250]*. Конечно, методологический подход вынуждает

* В черновом варианте статьи об ОДИ 1989 г. (в основу которой положены опубликованные статьи 1983 г. [36, 44], Г. П. Щедровицкий выделяет следующие этапы: 1) 1952—1963 гг. — содержательно-генетическая эпистемология (логика) и теория мышления; 2) 1963—1972 гг. — деятельностный подход и общая теория деятельности; 3) 1972—1979 гг. — мыслекоммуникативный подход и перенос акцента на вопрос о формах взаимодействия и связи мышления и деятельности; 4) с 1979 г. — этап организационно-деятельностных игр и разработки основных схем мыследеятельности [39. С. 249—250].

** Порой в представлении о мыследеятельности усматривают лишь простое «соединение» содержаний, которые были наработаны в предшествующие этапы работы ММК («деятельность плюс мышление, итог — мыследеятельность» [8. С. 390]) и упрекают Г. П. Щедровицкого за довольно тяжеловесный неологизм. Но существо этого понятия и схемы отнюдь не в графическом или чисто мыслительном «соединении на доске» разных интеллектуальных процессов, а в заложенной потенциции схватывать мыслительно и организовывать практически сложную полипозиционную ситуацию межпрофессиональных и междисципли-

нас признать, что «выворачивание» истории ММК через ОДИ есть лишь одна из версий задания траектории развития Кружка. Но именно эта версия используется в качестве рамки для настоящей статьи.

Есть трудность в том, чтобы описать ОДИ, поскольку всякое ее описание окажется заведомо неполным*. Моя задача в какой-то мере облегчается тем, что сегодня уже накоплен определенный массив публикаций, где даны как теоретико-методологические представления об ОДИ, так и описания конкретных игр [2, 7, 9–12, 17, 20, 25–26, 36–39, 44–46 и др.], так что интересующиеся смогут дополнительно обратиться к этим источникам. Поэтому я сосредоточусь на некоторых важнейших характеристиках ОДИ, имея в виду две цели: во-первых, показать место ОДИ в развитии идей ММК, во-вторых, — значение ОДИ как таковой как культурной формы и метода работы в проблемных ситуациях, смысл которого, на мой взгляд, остается для гуманитарного сообщества не вполне понятным.

Указанные целевые ориентиры оставляют, однако, достаточно широкий простор для изложения, поэтому укажу на некоторые обстоятельства, повлиявшие на уточнение направленности этой статьи. Свою задачу я вижу в том, чтобы через рассказ об ОДИ попытаться ответить на некоторые часто встречающиеся недоразумения и искажения в восприятии и оценке не только ее самой, но и более широко — методологии ММК.

В этом поле непонимания в первую очередь я буду относиться к двум пунктам, тесно между собой связанным: отождествлению методологии ММК с проектным подходом и к «теме Человека».

К примеру, упрекая методологию в чрезмерном *упрощении* своих объектов, в результате чего множество «более сложных» объектов начинает исчезать или просто отбрасываться, в том числе в упрощении представлений о Человеке, В. Подорога утверждает, что «методолог не испытывает никакого сопротивления со стороны объекта, который, собственно, им-то и порождается, или, точнее, потенцируется как воз-

ных взаимодействий, воплощаемых в коммуникативном переплетении множества пониманий, рефлексий, действий, мыслительных сущностей [37].

* Г. П. Щедровицкий и сам испытывал подобные затруднения (см. его заметки [39. С. 267–272]), но уже в 1983 г. появились первые статьи на эту тему [36, 44].

можный конструируемый объект. Пребывание в безвоздушном, совершенно идеализированном пространстве мысли, где ей мыслить нечего, кроме себя самой. Итак, по мере развития методологических идей о Человеке, тема человеческого переходит в автоматический режим инструментажа: как и что надо делать, с помощью каких инструментов, как долго, где...» [19. С. 449, 453]. Методология трактуется как «универсальное проектирование Реальности» [там же, с. 454]; «есть только одна-единственная Реальность, *действительная*, и нет никакой другой. Вот эта единственная реальность и позволяет последовательно вводить многие предпосылки, позволяющие ее каждый раз заново конструировать. Потому что она единственная, всякое ее преобразование становится проектно возможным» [там же, с. 456]. Или: «Все более усложняющаяся в современном обществе цепь социальных и технологических опосредований между действием и его результатом делает сложным рациональное планирование действий не только на коллективном, но даже и на индивидуальном уровне — вопреки мечте Георгия Петровича о тотальном проектировании и планировании» [14. С. 201].

Вообще говоря, подобные трактовки имеют под собой основания. И если бы не тот «переворот», который произошел с рождением ОДИ [18. С. 38–39], возможно методологическая установка на преодоление проектного подхода (которая, по крайней мере, в 1970-е гг. уже была уже достаточно отчетливой [32]), так и осталась бы нереализованной.

1. Задачи и притязания СМД-методологии

Лидер Московского методологического кружка не оставил какого-то единого обобщающего труда по СМД-методологии, сегодняшние читатели извлекают представление о ней из отдельных работ и публикации стенограмм устных выступлений. Огромную работу по систематизации архива ММК и изданию трудов Г. П. Щедровицкого и их комментированию трудно переоценить. Тем не менее восприятие идей ММК теми, кто не участвовал в его работе, представляет немалую трудность; формируемое впечатление о методологии базируется подчас на ситуативных дискуссионных тезисах. Отношение к целому строится на основе фрагментов. Г. П. Щедровицкий был блестящим полемистом, это не только стиль ком-

муникации, но и мышления. Однако резкость речевых форм и оценочные суждения необходимо рассматривать не изолированно, а в общем контексте не только истории Кружка (смене программ), но и прежде всего СМД-методологии как таковой, притом что в ее собственных представлениях можно обнаружить противоречия и нестыковки. Но СМД-методологию и нельзя, на мой взгляд, понимать как завершенную непротиворечивую теорию (или корпус из нескольких теорий и схем). Это живая методология, содержащая внутри себя способность к креативности, самопроблематизации и развитию. ОДИ и с этой точки зрения является воплощением этой самой способности. При этом остается главный признак «самоидентичности» методологии ММК, который заключается в ее антинатуралистической позиции, в деятельностном подходе, которому в определенный момент стало тесно в рамках конкретных теоретических представлений о деятельности, сложившихся в 1960-е гг. [6, 23, 40].

1.1. ОДИ как площадка реализации и экспериментирования

В опубликованной при жизни Г. П. Щедровицкого, можно сказать, программной, статье 1981 г. [33] дается краткая и емкая характеристика методологической работы (в противопоставлении научной и философской). Приведем ее основные пункты [33. С. 95–100].

1. Методология противопоставляется науке и фиксируется ее установка на искусственно-техническое развитие предметно-профессиональных областей, «суть методологической работы не столько в познании, сколько в создании методик и проектов», основная функция методологии в том, чтобы обеспечить «универсум человеческой деятельности проектами и предписаниями». Отсюда, основные продукты методологической работы проверяются не на истинность, а на реализуемость.

2. Однако прожективная установка не означает отказа методологии от исследований. Но исследование подчинено практическим задачам, оно направляется специфическими целями проектирования и нормирования.

3. Из этого следует, что методология не отвергает научный подход, но расширяет его, обращая на такие области, где прежде он был невозможен. Методология разделяет разные типы знания (и мышления), но и связывает их в сложные знаниевые суперструктуры. Одновременно методология осознает самое

себя, собственные структуры и формы. Объемлющим для методологической работы является пространство методологической авторефлексии.

4. Методология сочленяет знания о деятельности и мышлении со знаниями об объектах деятельности и мышления. Для демонстрации этого положения вводится образ матрешки: «Внутри исходного для методологии объекта — деятельности и мышления — вставлен другой объект — объект этой деятельности или этого мышления» [там же, с. 97]. То есть методология всегда имеет дело с двойственным объектом — не с деятельностью как таковой (в таком случае деятельность выступала бы в качестве объекта естественнонаучного исследования) и не с ее объектом, «а с их матрешечной связкой». Эта форма запечатлевает специфику методологического знания.

5. Методологический подход учитывает множественность позиций деятелей в отношении к объекту. Факт множественности позиционных представлений об одном и том же объекте рассматривается как объективный момент мыследеятельностной ситуации. Здесь фиксируется (в оппозиции к принципу истины) важнейший принцип методологического мышления — *принцип множественности представлений и знаний, относимых к одному объекту*. Разные представления об объекте суть его предметные проекции. Методология начинает свою работу с этих проекций; создаваемые на этой основе онтологические представления имеют тем самым не «окончательный», а исторически преходящий характер.

6. Реконструкция объекта осуществляется не по «логике объекта» самого по себе, а по «логике деятельности», ибо «разные представления нужно собирать в целое и организовывать только тогда, когда деятельность, с которыми они связаны, входят в кооперацию друг с другом, когда они начинают с разных сторон обрабатывать объект, ставший для всех них единым» [там же, с. 99]. Отсюда онтологическое представление распадается, с одной стороны, на *организационно-деятельностное*, где представлена структура кооперированной деятельности, и с другой — *объектное*, изображающее объектную онтологию.

Если мы возьмем другие работы, то сможем кое-что уточнить в этом перечне, кое-что добавить, но в общих чертах этот список достаточен, чтобы увидеть, во-первых, устремления методологии ММК, а во-вторых, их сложность и некоторую противоречивость, образующую проблемный контекст

существования самой методологии, обращающий, поэтому, ее на собственное развитие. Мы имеем в виду разнонаправленность прожективной и исследовательской установок (добавим, как предельных рамок, задающих смысл и направленность методологической работе вообще, а также рамки самоопределения в конкретных рабочих ситуациях*); принцип множественности знаний об одном и том же объекте противопоставленный принципу истины; двойственную форму методологического знания и пр. Сложность формулируемых задач вела к поиску новых организационных форм и, соответственно, представлений о мышлении и деятельности, о роли других интеллектуальных и жизнедеятельностных процессов относительно процессов развития. Здесь нужно обратить внимание, что содержание методологических представлений формировалось не только на изучении текстов «чужого мышления», но и на рефлексии собственной работы — в этом смысле методологические семинары были не просто местом обсуждения некой работы, выполняемой «вовне», они стали *собственной практикой* Кружка, организуемой, нормируемой и подвергаемой рефлексии, «методологическая проблематика постоянно формировалась как рефлексивное отражение практики идущих в это время методологических семинаров», которые Г. П. Щедровицкий обозначает как интеллектуально-методологические игры (ИМИ) [39. С. 250; см. также 36, 44].

Сложность задач вела и к уточнению самоопределения методологии и ее отношения к другим сферам жизнедеятельности. В частности, действительно ли она осуществляет «предписания» и нормировку? Да и в этом ли роль методологии? Методология ММК — это живая методология, само существование которой возможно в процессах развития. Так что организационно-деятельностная игра оказалась не просто формой, в которой методология наконец-то смогла практически реализовать прожективную установку на развитие других сфер деятельности — она стала местом встречи с Реально-

* С этой точки зрения большой интерес представляет материал подготовки к ОДИ-1 [17]. И кстати, одна из базовых для ОДИ схем — полифункциональный ортехнической организации игры — стала отражением разнонаправленности и конкуренции проектов будущей игры, представленных из различных позиций (организатора игры, исследователя и методолога), на этапе подготовки этой первой игры.

стью*, площадармом подлинной коммуникации с Другими и *самопроблематизации*.

Хочу обратить внимание, что в основу указанной статьи [33], положены тексты докладов, прочитанных Г. П. Щедровицким в 1970, 1974 и 1976 гг. Это важно прежде всего потому, что здесь позиция и форма взаимодействия методологии с другими сферами мыслится в *проектном* и *нормативном* подходах, в то время как ограничения этих подходов и представления о программировании (в современном смысле) стали оформляться несколько позже [32, 16], и к моменту подготовки первой игры (1979) именно *программный подход* рассматривался Г. П. Щедровицким как предпочтительный способ взаимодействия методологии с другими сферами деятельности [17]. В программном подходе развитие стало категоризоваться как сложный полипозиционный искусственно-естественный процесс — не сводимый к искусственным воздействиям. Фактически игровой период вывел программирование из модуса теоретических разработок в план достаточно мощной *формы овладения процессами развития в коллективной мыследеятельности*; в Игре методология стала искать пути преодоления «границ проектирования»**.

В общем виде приведенные из статьи [33] пункты имеют к ОДИ самое прямое отношение. Игра стала практическим площадармом для опробования, проблематизации и развития этих положений. Их можно рассматривать в каком-то смысле (если осторожно проводить аналогию с научным исследованием) как первичные гипотезы, которые закладывались и нещадно проблематизировались в ОДИ.

Из заметок Георгия Петровича 1982 г.:

* Ср.: «Необходимо, говоря я, различать действительность наших нынешних обсуждений и ту реальность, которую мы обсуждаем. Это очень трудный принцип. Мы осваиваем его уже более 25 лет и до сих пор испытываем затруднения. По сути дела, это — основной принцип содержательно-генетического подхода, дальнейшее развитие фрегевского принципа различения смысла и объекта, антитеза гегелевскому принципу тождества бытия и мышления, развитие идеи различия двух миров: реального и идеального... Обычная ошибка, которую здесь делают, состоит в том, что объект и действительность вторичного обсуждения и вторичной мыследеятельности отождествляются с обсуждаемой реальностью» [17. С. 662–663].

** См. об этом также [23]. Об ограниченности и опасностях тотального проектирования см. [24].

«...СМД-методология при своих претензиях на организацию и развитие всех других систем и типов МД не имела пока в своих рамках и внутри своей сферной организации *поля для экспериментального исследования* систем и типов МД, а также *поля для проверки своих претензий и реальных возможностей* на организацию и развитие систем и типов МД... ОДИ, вроде бы, дает СМД-методологии и то, и другое» [39. С. 215].

1.2. Почему Игра?

Методология, таким образом, должна исследовать «свою потенцию развивать другие системы и типы МД», однако для «*настоящих систем МД*» это практически невозможно [39. С. 215, 217]. Нужна, следовательно, *специальная площадка и специальные формы организации*.

Почему ОДИ называется *игрой*? Поначалу основание было негативное: это не привычная «производственная» работа, но и не научный семинар или конференция. Последние предполагают констатацию наличных взглядов и знаний участников, игра же нужна для того, чтобы они трансформировались. Привлечение игровой формы для методологической работы — это, с одной стороны, креативный бросок в неизведанное*. С другой стороны, для этого в опыте работы Кружка были определенные предпосылки. В теоретическом плане здесь важную роль сыграли исследования детской игры в 1960-е гг. [34, 35], в практико-коммуникативном — опыт специфичес-

* Однако дальше обсуждению игровой природы ОДИ и в связи с этим разработке понятия Игры уделялось много внимания: проводились совещания, а также ОДИ, специально посвященные этой проблематике. Нельзя сказать, что здесь получены завершённые представления. Мне близка точка зрения С. В. Попова, продемонстрированная им в чрезвычайно глубоком исследовании игровой природы ОДИ, что Игра в гораздо большей степени выражает *природу* ОДИ, чем другие ее категоризации, например, «форма и метод организации коллективной мыслительности» [20. С. 423]. Хотя последняя определяет *содержательную сторону и функции* ОДИ как специфической игры. См. также очень интересную работу П. Щедровицкого [45]. Читая в конце 1990-х гг. студентам лекции по игротехнике, мне тоже пришлось рассматривать ОДИ с точки зрения ее собственно игровых характеристик. Но с учетом поставленных для данной статьи целей эта тема не будет находиться в центре моего внимания, хотя все, что будет говориться об ОДИ, вообще говоря, свидетельствует именно об игровом характере этой практики.

ких форм коммуникации самих методологических семинаров (интеллектуально-методологических игр — ИМИ).

Кроме того, рассматривая период 1976 по 1979 г. как второй период предистории ОДИ, Г. П. Щедровицкий ссылается на совместную работу с Д. А. Аросьевым и В. И. Астаховым по проведению учебно-деловых игр с коллективами спортивных тренеров, работавшими в центрах олимпийской подготовки. Один из важнейших результатов того периода состоял в том, что была *подвергнута сомнению возможность нормировки деятельности* этих специалистов. Никто здесь не может выступить в функции владеющего нормой учителя: подготовка каждого спортсмена высокого класса выступает как единичная ситуация, уникальная проблема. Это положение вышло далеко за пределы той практической ситуации, в которой было «усмотрено», и привело к выводу, что работа с уникальными объектами (проблемными ситуациями) требовала иного арсенала средств, нежели могла предложить сложившаяся к тому времени деятельностная парадигма. Последствием сомнения во всеобщей нормативности, или, если воспользоваться метафорой З. Баумана [3], «законодательного разума», стала *установка на поиск принципиально новых идей и форм организации. Обучению*, которое зиждется на идее нормативности, было противопоставлено *развитие; с точки зрения практико-организационной образец учебной игры оказался для этих целей непригоден* [39. С. 252–253].

Для работы в проблемной ситуации нужно было организовать сложную многопозиционную (а потому неизбежно конфликтную) коммуникацию, где могли быть представлены разные аспекты обсуждаемого вопроса; иметь средства для того, чтобы за позициями в коммуникации выявить деятельностные и мыслительно-парадигмальные основания, переводить их в новые проблемные фиксации, а дальше — в пакеты программ, задач и заданий. Здесь мышление не «накрывает» материал своими априорными формами, не строит «универсальные проекты Реальности», а проблематизирует собственные идеализации и порождает новые — за счет включенности в коммуникацию и использования механизмов понимания и рефлексии. (Но все это стало понятию позже.)

В общем, нужно было найти какую-то новую форму работы с профессионалами — с деятельностями, с разными типами и видами мышления, с оргформами, с проблемами, с людьми и с самими методологическими представлениями. Представление об Игре таило в себе новые возможности. Оргдеятельностная

игра рождалась на фоне расширяющегося движения Деловых игр. Анализ деловых и учебных игр привел к фиксации их ограничений, но не отверг саму идею привлечения Игры. Она открывала новые пути для поиска, позволяя играть с деятельностью и мышлением и экспериментировать с формами их организации.

«Игра», в каком-то смысле «ни к чему не обязывающая», дает возможность свободно оперировать со всеми этими (и еще неизвестными) единицами и процессами, с разнородным материалом, опробовать разные средства, всерьез и «понарошку», — изодственных систем и попадают в искусственные (игровые) условия. Так не бывает в жизни. Игра — это совсем другое пространство. Людям даются задания такой степени сложности, за которые в своей обычной производственной жизни они просто не взялись бы. Находясь на «рабочем месте», кто из нас форм организации концепции национальной школы, или разработок в отраслевом научно-исследовательском институте, или программу развития города? Но это же игра. Игра предлагает измерение «понарошку», а потому, несмотря на жесткость критериев и оппозиций, обеспечивает социальную безопасность участников, поскольку это «всего лишь игра». И в силу того же обстоятельства позволяет взрослым людям «понарошку» брать на себя сложные, в обыденной жизни непосильные, задачи. «Игра позволяет нам у взрослых людей сохранить осмысленность неосмысленных действий» [39. С. 120] (см. также [42. С. 21]). Игровая безответственность открывает нам возможности для свободного поиска [39. С. 301].

1.3. Человек и Деятельность

Еще один важный аспект общей социокультурной ситуации. Во второй половине XX в. интенсифицировалось развитие управленческих концепций и технологий. В центре внимания оказались не только проблематика системного и меж-

* Правда, нельзя говорить, по-видимому, о «психологической безопасности», поскольку накал страстей в игре достигает таких высоких градусов, которые трудно выдержать в обыденной жизни. Подлинность человеческих переживаний в игре является не только залогом ее эффективности (для целей «развития деятельности»), но и экзистенциальной самоценностью. Но такой эмоциональный накал, азарт — это вообще характеристика игры.

дисциплинарного подходов, не только эпистемологические и организационно-технические аспекты. В центре внимания оказался «человек в новой социокультурной ситуации». В рамках этой ориентации стало складываться движение «Развитие организаций» (*Organization Development*), основной тезис которого — «развитие-организаций-через-развитие-людей». Разного рода организационные формы работы с группами и коллективами, ориентированные на командообразование, на рост удовлетворенности, мотивации, улучшение взаимоотношений, рост творческих способностей и развитие человеческого потенциала получили в мире широкое распространение. Здесь нет какой-то единой парадигмы, скорее разные практические подходы можно расположить в континууме от «гуманизма потребностей» до «гуманизма ответственности» [13]. «Гуманизма ответственности» как способности человека мыслить и схватывать целое, в котором он действует как частичный актор; как умения осознавать средства собственной деятельности, границы возможностей собственных мыслительных парадигм и понимать основания мышления и деятельности других; способности строить кооперацию с другими и минимизировать негативные последствия своей активности — этот ряд можно было бы продолжить. Именно в этой области разворачивает методология свою практику работы с Человеком.

«Там, где надо принимать волевые и субъективные решения, брать на себя риск, современный человек стремится опереться — и в этом смысле наука выполняет все основные функции религии — на научные прогнозы, предписания и тем самым снять с себя ответственность, предпочитает ничего не решать, ничего на себя не брать, а говорить: так сказала наука.

Так вот, деятельностный подход складывался и формировался при четком понимании того, что не может снимать с себя человек ответственность и что это сторона, субъективный подход и волевое решение, необходима в каждом деле и есть, наверно, самое главное, что требуется от всякого человека» [42. С. 16.]

«Гуманистическая критика» методологических представлений о человеке вызывает удивление. Такое ощущение, что подобной критике не доступен способ рассуждения, который критик пытается подвергнуть анализу; реакция на отдельно взятые слова настолько сильна, что не позволяет схватить содержание исследуемой мысли. «Человек» как всего лишь «материал, на котором паразитируют мышление и деятель-

ность» — ну, действительно, как-то задевает наши чувствительные струны.

Попробую сформулировать иначе то, на что я пыталась обратить внимание с самого начала: чтобы понять методологию ММК, нельзя исходить только из текстов. Вторым обязательным ее элементом является тип практикования. ОДИ как последняя при жизни Г. П. Щедровицкого форма практикования методологии существенно раздвинула границы методологических представлений, но, видимо, это не получило должного культурного закрепления^{*}. Однако те ценности в понимании человека, которые реализовались в играх, находили достаточно ясное выражение в теоретических представлениях доигрового периода. Возьмем один, довольно характерный пример (из доклада Г. П. Щедровицкого 1966 г.):

«Что такое человек? Это — иной вопрос, нежели вопрос о происхождении человека, где, отвечая, выводят человеческий род из обезьяньего. На этот вопрос мы должны сначала ответить странным и парадоксальным образом: человек есть ячейка внутри развивающейся системы деятельности. Это именно «место», к которому привязаны определенные функции нашего целого и некоторые виды деятельности. Когда ячейки заданы, то мы начинаем «изготавливать» родившихся людей в соответствии с теми требованиями, которые предъявляются этими ячейками.

В этом смысле маленький ребенок еще не является человеком. Чтобы стать человеком, он должен быть «изготовлен» соответствующим образом. Если определенного человека не удалось изготовить, то становится непонятным, человек ли он. Кстати, эта тема усиленно обсуждается в художественной и фантастической литературе. Пьеса Ионеско «Носорог», или, скажем, работы Белья — по сути дела, художественная иллюстрация и форма осознания этой проблемы.

Сейчас я сознательно утрирую и огрубляю саму проблему. Дело, оказывается, в том, что функционирование таких систем с жестко зафиксированными ячейками возможно, только потому что, наряду с основной системой, существует система «инкубатора», где изготавливаются люди, затем система «клуба», где они могут вылезать из своих ячеек и осуществлять свободную деятельность как личности.

^{*} Конечно, от всех нас зависит, чтобы методологические практики были адекватно (и диверсифицированно) от-refлектированы и описаны.

Кстати, в социальной системе как системе ячеек люди не выступают как личности, но лишь как индивиды, или «винтики», как было принято говорить 30 лет назад. Людям нужно давать свободу клубной жизни, иначе они не будут работать в своих ячейках. Некоторые индивиды настолько выходят из этой системы ячеек, что начинают наблюдать ее как бы со стороны. А затем, возвращаясь обратно, они меняют саму систему на основании знаний о ней. Короче, здесь возникает огромный комплекс вопросов о свободе личности, о свободе изменения системы, о видах деятельности и т. д. Но важно, что **система с жесткими ячейками является необходимым первым подходом в рассмотрении социальной системы. Эта абстракция похожа на галилеевскую — когда он утверждает, что все тела падают на одинаковом ускорении. Эмпирически это не так, поскольку все тела в среде падают по-разному, но абстрактно мы вынуждены принять эту максиму»** [43. С. 256—257].

Итак, теоретическая идеализация: сочум организован структурами функциональных мест, человек оказывается материалом, который «оформляется» местом в социальной структуре. Если же человек выходит из «ячейки», он уже не может положиться на инструкции и нормы, которыми определяется место, и только здесь начинается личность — самоопределение и ответственность.

Человек Г. П. Щедровицкий старался жить не по законам «ячеек» (хотя никто не свободен от социокультурного контекста, но это уже другая тема), он постоянно из них выламывался, занимая активную позицию; это его способ жизни [15, 41]. И своих учеников, и соратников он «приглашал» в пространство такого «клуба», где можно быть личностью. И участников ОДИ. Чтобы стать «сильные организации» за счет мышления, понимания, рефлексии, способности к действию, воли. «В стране не должно быть лопухих людей, глупых; люди должны быть умными, и тогда они справятся и с тоталитарной организацией тоже» [42. С. 19]. Наверное, это наивно. Но в практике ОДИ реализовались именно эти идеи Человека. В играх создавались условия, чтобы люди могли выйти из «ячеек», встать *над* ними. Опыт ОДИ актуализировал такие ресурсы, которые позволяли людям обрести формы осмысленного существования и в заигровой ситуации. Экзистенциальный смысл ОДИ не менее, а возможно, даже более важен, чем ее значение как механизма разработки новых средств мышления и деятельности. Организаторами игр в числе прочих ставились цели развития людей и коллективов. Много времени уделялось отработке процедур

целобразования, самоопределения, рефлексии. Это те способы интеллектуальной, духовной и душевной работы, которые нужно освоить, чтобы суметь находиться *над*.

2. Что такое организационно-деятельностная игра?

Первая организационно-деятельностная игра под руководством Г. П. Щедровицкого была проведена в 1979 г. [17]. Она замысливалась (тогда еще не было термина «ОДИ», он появился позже) как организационное исследование, но исследование особого рода. Чрезвычайно интересный материал для понимания той новой формы, которая впоследствии стала именоваться ОДИ, дает дискуссия А. А. Тюкова и Г. П. Щедровицкого на этапе подготовки [17]. Здесь столкнулись прямо противоположные установки — жесткая организация «под исследование» (А. А. Тюков) или организация для осуществления живой деятельности (Г. П. Щедровицкий); проектирование или программирование; нормировка или организация пространства свободы; здесь фактически стала отчетливо формироваться установка на то, что «игровое поле» конституируется не только фиксированными организационными формами, но и самоопределением и самостоятельностью участников. В игру на равных включались *знания и незнание, форма и неопределенность*.

Фрагмент обсуждения Г. П. Щедровицкого и А. А. Тюкова при подготовке к первой ОДИ:

«Щедровицкий. ...Мы ориентируем людей на одно, они понимают это по-другому, делают третья... И так будет происходить постоянно. Поэтому мы и говорим, что организовывать надо *игру*: мы будем предлагать замыслы и давать инструкции, но они либо будут их принимать, либо не будут, и во всех случаях они будут импровизировать.

Тюков. Я обсуждаю сейчас *другой* вопрос. Меня не интересует, как каждый из нас будет играть в свои игры. Меня интересует общая игра. А для этого мне нужно как минимум знать: людей, которые всегда будут следовать инструкциям, людей, которые, возможно, не будут следовать инструкциям, людей, которые никогда не будут следовать инструкциям, и т. д.

Щедровицкий. Мы должны сорганизовать игру, *не зная* всего того, что вы считаете минимальными условиями начала работы» [17. С. 112].

Нет, и не может быть ни методики проведения ОДИ, ни типовых сценариев, каждая игра специально готовится на основе анализа ситуации заказа и собственных целей игротехнической и методологической группы, которая ее проводит. Описание же конкретной игры не может дать ответ, что же такое ОДИ вообще. И все-таки, чтобы не ограничиваться общими словами относительно смысла и значения ОДИ, попытаемся представить ее в некоторых обобщенных формах.

2.1. Основные принципы

и организационно-методологическое устройство ОДИ

2.1.1. Общие положения

ОДИ — это полицелевая система. Множественность целей в ОДИ — это не «дерево целей», когда из одной — «главной» — цели выводятся остальные, а разнонаправленные и равноценные ориентиры: развитие системы деятельности, откуда поступает заказ («обыгрываемой» мышледеятельности [45]), развитие методологии, развитие людей. Это — общие направления, в рамках которых в каждой игре формулируются конкретные цели. Полицелевым характером игры определяются и отношения организаторов-методологов с заказчиком и с остальными участниками.

Поводом для проведения ОДИ являются трудности и проблемы в ситуации заказчика. Однако «проблема» в языке заказчика отличается от «проблемы» в методологической действительности. В последнем случае проблема не отождествляется с трудностями, на которые с легкостью можно указать; речь идет об отсутствии в культуре средств для разрешения возникшей ситуации. В этом смысле ни проблемная ситуация, ни тем более проблема не очевидны, их еще нужно выявить. Они обнаруживаются только при выходе за пределы деятельности, когда сама она становится предметом анализа и появляется возможность обсуждения ее инструментария и границ. Принятие заказа на игру не является отношением «исполнения», и тема игры уже как бы намечает шаг трансформации и развития исходной системы [45. С. 16].

ОДИ есть метод и форма организации работы по выявлению и решению проблем. Это означает, что знания, которые несут на себе в отдельности профессионалы, представляющие разные позиции, и методологи, организующие игру, недостаточны. Нужна особая форма организации коммуникации между ними, ведущей к разработке программ, которые, будучи направлен-

ными на выявление и разрешение проблемы, в то же время учитывали бы разнообразие целей и интересов носителей разных позиций.

В этом плане полицелевая организация игры отражает рефлексивную связь между разными процессами и обеспечивает «беспроигрышность» игры, если невозможно получить продукт в линии одной целевой ориентации, сложившаяся ситуация становится материалом для рефлексии, и игра получает результат в пространстве рефлексивных процессов. Проведению ОДИ предшествует серьезная подготовка, однако **основным механизмом развертывания игры является не пунктуальное следование ее программе, а рефлексия актуальной ситуации.** Отработка навыков рефлексивной работы становится, кстати, одной из целей игры, это один из результатов, который уносят с собой участники.

«Продуктными» рамками ОДИ выступают, с одной стороны, достижение **целей**, поставленных **заказчиком**, с другой — достижение **целей**, связанных с **развитием методологии** (Схема 1). Методологические представления развиваются за счет встречи с новым материалом и необходимости решения конкретных задач, деятельность заказчика — за счет выявления проблем и выхода с помощью методологических средств на разработку программ по их решению. Такая двойная с точки зрения получения продукта ориентация является характерной особенностью ОДИ и предполагает, соответственно, обе линии работ. Способ соорганизации этих линий составляет одну из важнейших организационно-методологических конструкций конкретной игры. Сложность в том, что каждая из них стремится автономизироваться и как бы вырваться на собственный простор.



Схема 1

Уже на этапе формирования замысла игры мы видим, что методология «сменила претензии» по отношению к сферам, с которыми она взаимодействует (в сравнении с тем, что мы привели в первой части). Методологи не знают, в чем состоит

проблема, они *не могут дать никаких предписаний по ее решению*.

Сегодня, возможно, подобные фиксации не вызывают удивления: на рынке услуг мы находим множество форм работы с организациями и коллективами — консультирование, командообразование, организационная психодрама, разного рода тренинги, игры и пр. Сегодня стало общим местом, что решение тех или иных «проблем» осуществляется силами самого коллектива. Другое дело, что на момент создания ОДИ эти положения были не столь тривиальны. Но сейчас важно за этими, теперь уже общими, характеристиками увидеть специфические. В ОДИ ситуация проблема для всех позиций, методологи точно так же стоят перед необходимостью развития, как и все остальные участники.

По отношению к «объгрываемой» мыслительности ОДИ в целом представляет собой пространство рефлексивное. Рефлексия здесь двойная: по отношению к наличной ситуации (ретроспективная) и по отношению к будущему (проспективная) (Схема 2).

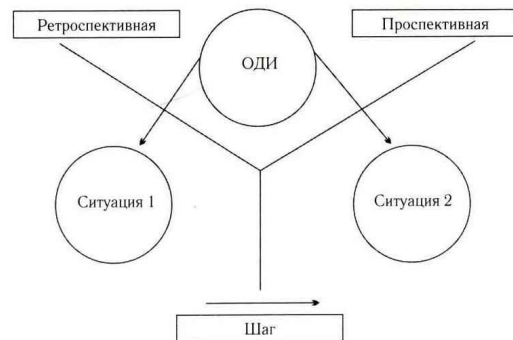


Схема 2

Мы пока говорим о функциональной характеристике самой игры, а не тех процессов, которые осуществляются игроками. ОДИ здесь выступает как организационное условие, в котором участникам предоставляется возможность осуществить опре-

деленную работу, но принципиально иного характера, нежели «на рабочем месте» [36—39, 44].

Разрешение ситуаций, которые оказываются поводом для заказа на игру, как правило, выходит за рамки компетентности одной профессиональной позиции. Разговоры о проблемах оказываются маркером несостыкованности автономизированных профессиональных структур и предметных знаний. Самодостаточность и институциональная укорененность профессионально-предметных образований, гармонизирующих внутри себя формы мышления, средства деятельности и социальную организацию, в проблемных ситуациях оказываются теми «шорами» и барьерами, на преодолении которых и направлена игра. В 1970-е гг. «необходимость комплексных исследований и разработок» стала некоторой общепринятой идейной установкой, но обеспеченной, однако, адекватными средствами. *Методологический подход* противопоставляется *профессионально-предметному* именно в силу того обстоятельства, что в современном мире любые социокультурные и «народнохозяйственные» проблемы не схватываются предметным мышлением и средствами профессиональной деятельности [13]. СМД-методология исходит из того, что проблемы не в «объекте», не в «людях», а в отсутствии адекватных форм коммуникации и кооперации в деятельности, в отсутствии мыслительных средств, обеспечивающих такие межпрофессиональные и межпредметные коммуникации и кооперации. Сами профессионалы должны увидеть границы возможностей профессионального подхода. А для этого — выйти за пределы своей деятельности и профессионального мышления. Ориентированные на развитие ОДИ ставят своей ближайшей задачей смену «объекта» работы собравшихся людей — в центре внимания оказываются не предметы и продукты их профессиональной деятельности, а сами мышление и деятельность.

Специфика целей и средств методологической работы по отношению к предметно-профессиональному мышлению определяется терминами *распредмечивание* и *методологизация*. Это не означает, что целью ОДИ является формирование класса «профессиональных методологов» — речь, скорее, о том, что профессионал современной формации должен владеть навыками рефлексии собственной деятельности и мышления, обладать средствами надпредметного (методологического) мышления, уметь предъявлять себя в ситуациях межпрофессиональной коммуникации и иметь опоры для понимания. Проб-

лема современного профессионализма в том, что «мы многое знаем, но понимаем так мало» [13. С. 315].

2.1.2. *Оргпроект, программа и процессы в игре*

На этапе подготовки игры задачи организаторов состоят в анализе ситуации заказа и проработке связанного с ним тематического содержания^{*}. На этой основе разрабатываются организационные документы — оргпроект и программа игры.

В *оргпроекте* фиксируется набор игровых групп и связей между ними. Игровая группа — это первичный игровой субъект, который задан на предварительном «планшете» организатора^{**} (в ходе игры организационные представления о том, что происходит и что нужно сделать, многократно корректируются в результате систематической рефлексии). Игровая форма представляет здесь множество возможностей: группы могут быть профессионально-предметные (к примеру, геологи, юристы, журналисты), проблемные, тематические или проблемно-тематические^{***}, позиционные (например, разработчик, эксперт, исследователь и т. п.), социально-ролевые (например, преподаватели, студенты, администрация); можно образовывать «кластеры» групп, или «крылья» (объединенные по одному признаку, но дифференцированные по другим)^{****};

* К примеру, игры с архитекторами, геологами, экологами (и т. п.) требуют определенного освоения соответствующей области.

** Разделение «планшета» (организационной «доски» — места, куда записаны схемы, сценарии и другие организационные представления об игре) и «поярларма» (места действия участников) стало хорошим рабочим и методологическим инструментом для различения *мыслительной действительности организаторов и реальности игровых взаимодействий и событий*.

*** Для примера приведем несколько названий групп из проведенной Г. П. Шедровицким Игры-24 «Новые формы обучения и организации исследований: ситуационный анализ и анализ ситуаций» (Одесса, 29 апреля — 10 мая 1983 г., Институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов Министерства морского флота СССР). Группы задавались темами: «Современное состояние и перспективы развития системы повышения квалификации в сфере морского транспорта»; «Современное состояние и перспективы развития научных исследований и проектных разработок в сфере морского транспорта»; «Современная ситуация в области экологических исследований и разработок» и др. и, наконец, «Современное состояние и перспективы развития наук о мыслительности».

**** К примеру, в игре «Проблемы воспитания в контексте программ развития города» (Урай, 15—24 апреля 1989 г., рук. игры — Л. М. Карнозова) тема воспитания подрастающего поколения связывалась с проблематикой

можно структурировать места групп в игре в соответствии с «поясами» — где указание на принадлежность группы к тому или иному «поясу» указывает на его место в оргтехнических отношениях* (пример см. на схеме 3).

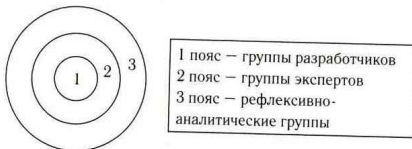


Схема 3

Оргпроект — это способ и результат предварительного анализа организаторами-методологами ситуации заказа и темы игры. В намеченном в оргпроекте наборе групп и предлагаемых отношениях между ними задается *позиционная структура* игрового плацдарма. В межгрупповых отношениях намечаются силовые поля потенциальных столкновений и оснований для проблематизации. В оргпроекте концентрируется пучок возможных сценарных линий развертывания игры.

Программа игры — это расплывчатый по времени игровой процесс. Мы намеренно говорим о нем пока так неопределенно, поскольку нарисовать его нужно на первом шаге в качестве обобщенного только для того (Схема 4), чтобы уже на втором

перспектив малого монопрофильного города. Игровой коллектив был разделен на два состоящих из нескольких групп «крыла», которые порознь работали, одно — над программами развития города, другое — над педагогической проблематикой и на определенной фазе игры предъявляли друг другу свои разработки [12].

*К примеру, группы «экспертов» надстраиваются *над* группами разработчиков. Интересные отношения формируются, когда, положим, играя на тему вузовского образования, мы просим в группу «разработчиков» войти профессоров и преподавателей, а в группу «экспертов» — студентов. С учетом того, что игры начинали проводиться в глухой период советского застоя, такого рода оргпроект мог служить «легитимным» (в игре) основанием для того, чтобы студенты могли впервые сказать правду своим преподавателям.

шаге «расщепить» на несколько, а дальше наметить фазы и этапы каждого процесса.

игровой процесс

Схема 4

В организационной позиции важно разделить игротехнические фазы игры («размораживание», «изменение», «выход из игры») и собственно мыследеятельностные.

Говоря о последних, мы здесь снова выделяем ряд процессов. В качестве базового выделяется *рабочий процесс*. Рабочий процесс явным образом обозначает задание группам и указывает на то, какой продукт должен получиться в результате работы в игре. Соответственно, рабочий процесс разделяется на этапы, которые фиксируются в программе как тематические задания.

Но задание на получение продукта оказывается, чаще всего, поводом для актуализации проблемной ситуации и постановки проблемы. К примеру, в одной из наших игр с коллективом школы с этнокультурным компонентом (1997) в качестве рабочего процесса предлагалась разработка концепции развития школы. Но в ходе игры обнаружилось, что разные игровые группы (педагоги, воспитатели, администрация, родители, ученики) настолько по-разному представляют себе сам смысл существования такой школы, что разработка концепции оказывается фактически поводом для актуализации разных точек зрения и анализа ситуации. Мы не интенсифицируем процесс разработки концепции, не стремимся к «продукту», а напротив, останавливаем рабочий процесс, как бы разворачиваем игру «перпендикулярно» тому направлению, которое было задано ориентацией на получение продукта, и переходим в рефлексивное пространство, фокусируясь на различиях в позициях участников, на основаниях этих различий и т. д. (Схема 5). В результате *основным процессом* в игре становится анализ ситуации. Это — пример методологической сдвигки, на которую в общем случае ориентированы ОДИ. И на этом простом примере можно сформулировать еще один общий принцип ОДИ: ничто не может помешать *игре, все свои в рабочем процессе служат материалом для игры и методологической проработки проблемной ситуации*.



Схема 5

2.1.3. Организационное устройство

В игре сочетается несколько форм организации работы: групповые заседания, общие заседания — доклады групп и дискуссии; общие заседания — методологические доклады (консультации); рефлексия — групповая, общая, команды организаторов. Композиции этих форм могут быть самими разными, а кроме того, можно использовать и совершенно другие. Можно пригласить специальных докладчиков для освещения важной для игры темы; в виде «модулей» могут быть вставлены «круглые столы», «ролевая игра», «мозговой штурм», «методологический семинар» и пр. ОДИ — очень гибкая игровая форма, способная ассимилировать достаточно большое разнообразие организационных единиц.

Чтобы читатель мог как-то представить себе устройство «типового дня» (первый и последний день устроены иначе), приведем его формальную структуру и регламент, где использованы «стандартные» формы работы.

10.00—11.30. Работа в группах. Рефлексия хода игры.

11.30—14.00. Работа в группах. Подготовка докладов по теме...

14.00—15.30. Обед.

15.30—18.30. Общее заседание. Доклады групп по теме... и дискуссия.

18.30—19.30. Ужин.

19.30—22.00. Методологическая консультация.

22.00—... Оргрефлексия (в программках игры обычно было написано до 23.00, но фактически это могло продолжаться до глубокой ночи или до утра).

Такая конструкция «типового дня» нужна не для того, чтобы во всех играх все дни были устроены таким образом, а чтобы, составляя программу, иметь какой-то прототип организационной формы (и делать все иначе).

Здесь важно обратить внимание на следующие обязательные компоненты. Во-первых, работа в группах, как правило, предворяется организацией рефлексии. Этому процессу уделяется особое и усиленное внимание. Это не формальный ритуал и не ответы на вопросы «что понравилось — что не понравилось» («откликнулось — не откликнулось»), это проработка содержания работы на игре в целом и соотношение с работой группы, это «рефлексия в структуре мышледеятельности». В рамках этой процедуры начинается также освоение содержания методологических консультаций. Кроме того, в рефлексивных фазах осуществляются такие процессы как самоопределение и целеполагание (групповое и индивидуальное), актуализирующие личностный потенциал и обеспечивающие «соприкосновение» личностного и мышледеятельного начал.

Во-вторых, обязательные методологические консультации, в которых задается средствиальный (методологический) пласт игры. Конечно, методологическое содержание игры прорабатывается методологами-организаторами заранее, при подготовке игры. Однако методологические группы (при достаточном количестве методологов, их тоже может быть несколько) в игре «здесь и теперь» занимаются методологическими разработками и докладывают свои результаты. Дело в том, методологическая организация мышледеятельности, в частности средства программирования и проблематизации, до начала игрового этапа не были в ММК процедурно разработаны; общие методологические конструкции именно на играх наполнялись содержанием и оформлялись в отчетливые представления, схемы и процедуры, которые тут же опробовались в функции методологического обеспечения игрового коллектива средствами работы. Именно в этом смысле ОДИ нужно понимать не только как площадку реализации СМД-методологии, но и экспериментирования и получения новых представлений.

Оргрефлексия — рефлексия команды организаторов, где анализируется сложившаяся ситуация, прорабатывается методологическое и игротехническое содержание и намечается сценарий на следующий день. Это означает, в частности, что в результате анализа ситуации игровые цели могут быть переформулированы, и программа может быть изменена (в частностях или радикально), о чем на следующий день сообщается

всем участникам. Иногда программа меняется и в течение дня, если обнаруживаются серьезные затруднения в работе, или сложность поставленных перед игроками задач вызывает сильный накал негативных эмоций. Здесь используются разные стратегии. Например, остановка рабочего процесса и проведение общего заседания в жанре рефлексии (которая в подобных случаях начинается зачастую просто с выражения недовольства и накопившегося раздражения) или возвращение групп на доработку задания или на обсуждение каких-то вопросов в жанре рефлексии. В общем, команда организаторов — это игровая команда, в игре нет гарантированности и покоя; однако сама готовность к разного рода непредсказуемости дает возможность организаторам достойно находить выход в подобных ситуациях.

Притом что игра тщательно готовится, закладываемые в программу и оргпроект представления организаторов-методологов имеют характер предвзятых. Это обстоятельство позволяет достаточно гибко (под «рефлексивным контролем») осуществлять изменения в ходе игры.

2.2. Проблематизация

Ядром оргдеятельностной игры является *проблематизация*. Как бы ни отличались друг от друга конкретные оргдеятельностные игры, именно проблематизация определяет сущность ОДИ и является ее смысловым центром.

2.2.1. Понятие проблемы в мыследеятельности

Проблематизация — это, во-первых, *мировоззрение*: проблема — не то, что существует «объективно», независимо от нас, нашей деятельности, нашего мышления, нашей *позиции*, это — угол зрения, предубеждение, это ценность развития. На один и те же обстоятельства можно посмотреть, как на «нормальные» и как на «проблемные». Во-вторых, в контексте развития проблема выступает не как тупик, а как механизм развития. Следовательно, форма фиксации проблемы должна соответствовать этой ее функции.

Установка на проблематизацию в мыследеятельности реализуется в смене объекта: «Проблематизация в своем исходном пункте базируется на смене объекта рефлексии и мышления, на выделении в качестве объекта структуры своего собственного мышления и своей деятельности... При проблематизации человек должен поменять свой мир — мир природы и вещей на мир деятельности: переход от мира природы к миру деятельно-

сти становится как бы естественным основанием для проблематизации» [32. С. 466]. А следовательно, проблематизация, в-третьих, — это еще и *организационная технология*, которая и реализуется в оргдеятельностной игре.

Идея о том, что проблема — как отражение противоречий между разными позициями (разными ценностями, разными парадигмами) — живет в мире мыследеятельности, выводит проблему проблематизации за границы возможностей индивидуального (заведомо монистического) мышления. Коллектив участников подбирается таким образом, чтобы были представлены основные позиции по обсуждаемой теме. В этом важнейшее методическое условие проблематизации: наличие разных позиций приводит к их столкновениям в коммуникации, столкновения становятся маркером возможной проблемы. При таких условиях мы получаем в игре социокультурную репрезентацию макроситуации.

Поведение участников и взаимодействия между группами в игре, по сути, выступают в отношениях *имитации* к «обыгрываемой» системе мыследеятельности. Но эта имитация усилена, амплифицирована игровыми средствами, а потому проявляется то, что «в жизни», как правило, затушевывается. А то, что проявляется, дальше может быть зафиксировано в отчужденной форме. Тем самым разыгрываемое действие, коммуникация и возникающие в ней конфликты получают другую жизнь в знаковых формах, в схемах: на «доске мышления» появляется «ситуация», реальные участники которой теперь получают возможность отнестись к ней как к отчужденному объекту.

На Игре-16 («Процессы проблематизации в ОДИ», июль 1982 г.) Г. П. Щедровицким было введено сценарное представление о процессе проблематизации (Схема 6), где он предстает как ряд организуемых ситуаций в коллективной работе.

В ОДИ актуализируются и сопоставляются представления основных действующих лиц, выявляются оппозиции и их основания. Анализ затруднений в деятельности и конфликтов в коммуникации, их рефлексия и фиксация — путь к постановке проблемы.

Проблема играет роль механизма и катализатора развития в силу того, что рассматривается не как фиксация тупика, но как *знание о незнании*, т. е. в форме позитивного знания о не-

* Список ОДИ, проведенных под руководством Г. П. Щедровицкого с 1979 по 1989 г., см. в [39. С. 307–316].

1	Исходная ситуация	Множество позиций
2	Конфликтная ситуация	Конфликты
3	Организация содержательных конфликтов	Оппозиции, основания оппозиции
4	Проблемная ситуация	Проблемы
5	Перевод проблем в задачи	Задачи
6	Планирование и создание организационных форм реализации	Работы

Схема 6

гativном. Такую позитивную трактовку «проблема» обретает только в рамках более широкого целого, где из фиксации «знания о незнании» следуют конструктивные шаги. В качестве целого выступает процесс *программирования*. Или иначе, проблема — это функциональный элемент программирования, в ходе которого определяются направления дальнейшего движения, векторы развития. В контексте программирования процесс проблематизации открывает путь к новым идеям, способам деятельности, формам организации и пр. И эти новации здесь же в игровой ситуации разрабатываются и опробуются. Проблематизация становится основой тех трансформаций, которые осуществляются в игре, она обеспечивает переход от фазы воспроизведения «ситуации за окном» к фазе «прорыва к будущему».

Из всего сказанного следует мыследеятельностная трактовка понятия проблемы:

1) конфликты в коммуникации служат маркером противоречий и несостыковок форм мышления и средств деятельности (по поводу которых происходит коммуникация), различия парадигм;

2) проблема появляется в процессе *рефлексии* этой конфликтной коммуникации, за счет выявления содержательных оснований (в этом состоит переход от «коммунального» конфликта к содержательному) и выделения оппозиций;

3) *проблема* есть мыслительная фиксация этих рассогласований и несовместимостей. Но фиксации могут быть разными, и зависит это от мыслительного пространства, в котором происходит фиксация, и от самоопределения участников.

2.2.2. Программирование

Представление о программировании, разрабатываемое в системомыследеятельностной методологии [16, 32], отличается от более традиционного представления, например, о разработке «целевых программ» с выделением «главной цели», исходящих из нее «подцелей» — и, соответственно, дальше определения путей их достижения. Методологическое представление о программировании имеет дело со сложными проблемными ситуациями, мало того, что многоцелевыми — как правило, речь идет о поликультурных, *полипарадигмальных ситуациях*. Монистическое мышление не может быть здесь адекватным. Пространственная организация методологического мышления позволяет работать с заведомо плюралистическими ситуациями (однако, повторюсь, методологические представления не

являются «завершенными формами», поэтому их использование практически означает следование содержащимся в них принципам и подходам, а не жестким процедурам и нормам). Оргдеятельностная игра является реальным воплощением такого рода ситуаций.

Методологическая схема программирования ориентирована на работу с такого рода сложными ситуациями. Не имея возможности в рамках настоящей статьи подробно на ней останавливаться, пометим основные фокусы процесса программирования: *тематизация, самоопределение, целеобразование, ситуационный анализ, анализ ситуации, проблематизация, перевод проблем в задачи и планы работ* (в разные периоды схема дополнялась новыми блоками). Это именно фокусы, а не этапы. В принципе, работа может начинаться в любом из них, при любой фокусировке будет происходить весь цикл программирования, но с различными результатами. К примеру, если мы ставим в центр целеобразование, то работа будет происходить и в тематическом ключе, ее участники будут самоопределяться, будут анализироваться ситуация и выявляться проблемы, но продуктом всей этой работы при такой фокусировке будет список целей. Если делается акцент на самоопределении, то для его осуществления опять же нужно осуществить работу во всех блоках. Здесь важно еще и то, что результаты, полученные в каждом из блоков программирования, начинают как бы «сдвигать» все остальные, как рефлексивно с ними связанные, т. е. программирование — это не линейный последовательный процесс, а предполагающий множество циклов и возвратов. В программировании заложена возможность изменений первоначально намеченных траекторий не в качестве «форс-мажорных обстоятельств», а как нормальное развертывание мыследеятельности в условиях заведомой неполноты наших знаний и меняющихся обстоятельств. Кроме того, определяющим во всем этом процессе являются самоопределение и целеобразование.

Процедуры осуществления перечисленных процессов (тематизации, самоопределения, анализа ситуации и пр.) становились предметом специальных методологических разработок в ОДИ и реализации «здесь и теперь» в условиях коллективной мыследеятельности.

2.2.3. Проблемы в мыследеятельности и конфликты между людьми

В игре осуществляется попытка «выйти из себя», встать над собственной деятельностью и привычными представлениями с

тем, чтобы, увидев, открыть путь к изменениям. В основе этого процесса — проблематизация, а потому конфликты в коммуникации, неизбежно возникающие между людьми с разными взглядами, не сглаживаются, а маркируются и доводятся до выявления социокультурных оснований^{*}.

Процесс проблематизации не есть чисто логическая процедура, он предполагает острые коммуникативные взаимодействия между людьми, сопровождающиеся сильным эмоциональным напряжением; «проживание проблемы», ее субъективация являются столь же неотъемлемым моментом проблематизации, как и мыслительный анализ проблемной ситуации.

2.3. ОДИ-форма

ОДИ связывает «чистые» идеализации, живую осуществляемую «здесь и теперь» коммуникацию (которая вовсе не подчиняется законам логики), прошлую деятельность и самих людей — в их личностной, духовной и социально-психологической ипостаси — в единую, но сохраняющую сложность (по выражению Г. П. Щедровицкого «гетерархированную, гетерогенную, гетерохронную») полисистему, которая становится плацдармом для развития и исследования систем мыследеятельности и развития людей.

Методологи — организаторы игры — реализуют в игре ОДИ-форму [11; 20]. В предыдущей части представлены ее составляющие. Поэтому здесь я позволю себе несколько замечаний, касающихся важнейшей характеристики этой формы. Я коснусь организационно-деятельностной игры как создаваемой, как произведения, вещи искусства. И хочу обратить внимание на один момент — *преодоление материала формой*^{**}.

^{*} В этом плане интересно сопоставить проблематизацию в ОДИ с конфликтологической практикой *нарративной медиации*. На медиацию приходят люди, уже находясь в конфликте. Нарративная медиация как практика, опирающаяся на социально-конструкционистскую философию, противостоит психологистическим концепциям, направляющим усилия медиаторов на поиск «подлинных» потребностей и интересов сторон. Нарративный подход, напротив, усматривает основания «обычных» межличностных конфликтов в соперничающих социокультурных дискурсах, носителями которых являются люди. Выведение конфликтующих сторон в рефлексию этой ситуации оказывается одной из существенных процедур нарративной медиации [47].

^{**} Ср.: «...В течение столетий, — пишет Л. С. Выготский в «Психологии искусства», — эстетика твердит о гармонии формы и содержания, о том, что форма иллюстрирует, дополняет, аккомпанирует содержание, и вдруг мы об-

ОДИ — внутренне противоречивая форма. Например, с одной стороны — жесткая мегамашинальная форма организации, с другой — оргпроект игры задает структуру «мест», реальное человеческое наполнение которых ломает строгую функциональную конструкцию придуманной организационной машины. Это означает, в частности, что ОДИ-форма включает в себя не только оргпроект, но и эту *возможность его сломать*.

В своих заметках в 1985 г. Георгий Петрович пишет, что первые игры «требовали от организаторов чрезвычайно больших вкладов — как от командиров в бою. И это, естественно, не могло продолжаться долго. Поэтому дальше (примерно после марта 1982 г.) дело стали пускать во многом на самотек. И это требовало кардинально иного отношения к самой игре. Игры стали во многом стихийными» [39. С. 221]. Нельзя буквально понимать этот «самотек», здесь скорее нужно иметь в виду основополагающие принципы ОДИ, о которых мы вели речь.

Как бы ни задавались игровые группы в оргпроекте, предполагается, что группа занимает определенную позицию в

наруживаем, что это есть величайшее заблуждение, что форма воюет с содержанием, борется с ним, преодолевает его и что в этом диалектическом противоречии содержания и формы как будто заключается истинный психологический смысл нашей эстетической реакции... Мы приходим как будто к тому, что в художественном произведении всегда заложено некоторое противоречие, некоторое внутреннее несоответствие между материалом и формой, что автор подбирает как бы нарочито трудный, сопротивляющийся материал, такой, который оказывает сопротивление своими свойствами всем стараниям автора сказать то, что он сказать хочет. И чем непреодолимее, упорнее и враждебнее самый материал, тем как будто оказывается он для автора более пригодным...» [4. С. 155, 156]. В контексте нашей темы приведу ироничное замечание В. П. Зинченко: «Думать трудно, и люди это делают без большой охоты. Так что в приложении к ним понятие "мыслительность" есть преждевременный комплимент» [8. С. 390].

* На семинарах 1986 г. Георгий Петрович ввел различие двух типов игр: на мегамашинальную организацию мыслительности и эволюционно-исторические. В первом случае речь шла об игре как *искусственно-естественной* системе, где план ортехнических действий по методологической организации мыслительности является ведущим. Во втором случае игра характеризуется как *естественно-искусственная* система, где искусственный план методологизации подхватывает естественные процессы в игре, категоризируемые как эволюционно-исторические. Такая типология позволяет организаторам более адекватно самоопределяться и ставить цели как при подготовке, так и в ходе самой игры.

деятельности. Но люди, придя в игру, продолжают нести на себе привычные формы профессиональной или социальной-коммунальной (или все это вместе) активности. Отсюда, разрыв между назначением группы как «мыслительностного субъекта» и реальными возможностями ее участников. «Человеческий материал» (в системно-организационном аспекте анализа такое категориальное определение вполне уместно), оформленный по законам социума (так что это не «материал», здесь скорее следует говорить о «социальной морфологии»), разрушает структуру оргпроекта и программы, и собственно игра разворачивается на этом столкновении.

Это обстоятельство обуславливает способ управления игрой и способ существования в игре самих организаторов. Отношения в игре — это не «руководство-подчинение» (правилам, инструкциям, руководителю), а воспроизведение — в границах игрового пространства — всей совокупности процессов социальной жизни людей в условиях, когда перед ними ставятся мыслительностные задачи. «Жизнедеятельность» не исчезает, и организаторы должны иметь в качестве инструментов управления игрой не только схемы организации мышления и деятельности, но и способы работы с совершенно иными процессами. В том числе с человеческими страстями, амбициями, целями, диктуемыми производственными обстоятельствами, отношениями внеигровой социально-ролевой иерархии и т. д. и т. п.

Игровая форма (в ОДИ) — это не «система правил» (характерная для игр по правилам, «инструкциям»), а предвидимое (в принципе, но не известное в своей конкретике заранее) столкновение мыслительностной организации (так *несвойственной* людям, как говорит В. П. Зинченко [8]) и самодвижения участников. Игра — в этом столкновении, и в этом смысле — всегда непредзадана, всегда рефлексивна.

Форма ОДИ обеспечивает самодвижение — «самодеятельность, самоорганизацию и саморазвитие», но при этом не дает ситуации скатиться к хаосу, обладая за счет методологических принципов и средств достаточной мощью для удержания разнонаправленных и разноприродных процессов. Но это мощь не «руководства», а организованной и организуемой рефлексии. Помимо упомянутых моментов важную роль здесь играет гетерархизированная ортехническая структура игры, предполагающая несколько фокусов управления (в общем случае конкурирующих). Подобное «удержание» сложной ситуации — всегда результат «преодоления ма-

териала формой», но и сама форма достаточно пластична и имеет способность к изменению.

Другой разворот того же внутреннего противоречия: ОДИ как *интеллектуальная практика* (ориентация на развитие методологии) в какой-то мере противостоит ОДИ как средству *социотехнического действия*. Каждый из этих планов задает свои векторы развертывания игры, свои зоны ответственности, несводимые одна к другой. С эмпирическим проявлением этого противоречия мы сталкивались довольно часто.

Когда речь идет об интеллектуальной практике, задача состоит в том, чтобы она просто *была*. Интеллектуальная практика выступает как самоценность. В этом случае нет никакой социальной ответственности. Есть ответственность иного рода: интеллектуальная, культурная и т. д. И совершенно другое дело, когда мы говорим об оргдеятельностной игре как о социотехническом действии по развитию систем деятельности. Потому что, если в первом случае ставится задача «*быть*», то во втором мы должны ставить вполне конкретные цели относительно внешних по отношению к методологии систем — это совсем иная задача, чем «*быть*» в интеллектуальной практике. Во втором случае нужно говорить об ответственности перед организациями и конкретными людьми, которые заказывают игры. И здесь отправление интеллектуальных процедур не может стать замыкающей рамкой. Вспомним, за счет ОДИ Московская методологическая школа вышла за границы эзотерического семинарского существования и стала включаться в решение практических проблем. Но разрыв между двумя указанными рамками и векторами (см. схему 1) актуально присутствовал с самого начала; вообще-то говоря, главное для методологии было найти «*чисто мыслительное решение*» [42. С. 20]. Ситуация стала более острой в конце 1980 — начале 1990-х гг., когда возрос поток заказов на игры, когда игра «*включилась* в перестройку» и начались процессы социализации и прагматизации ОДИ. И ожидания участников и заказчиков от игр стали более «*приземленными*». Но это уже вопрос самоопределения и развития, а в этой части мне важно было показать противоречивость ОДИ-формы.

Выделение ОДИ-формы важно и с точки зрения ответа на некоторые распространенные мифы об оргдеятельностной игре, для которых, видимо, имеются основания. Мы посвятили достаточно места, чтобы показать, что ОДИ как методологическая практика в своих исходных установках, по своему устройству и способам работы принципиально отличается от,

скажем, разного рода психотерапевтических практик, для которых основополагающими принципами являются, к примеру, психологическая безопасность, безоценочность суждений, работа с чувствами и т. п. Или, к примеру, от мозгового штурма, когда на фазе продуцирования идей запрещена критика, да и разных других практик, в то время как оргдеятельностная игра, в ядре которой процесс проблематизации, являет собой пример реализации культуры критической коммуникации. Эти отличия обращают внимание стороннего наблюдателя на жесткость работы с людьми, «негуманность» ОДИ. Такой сторонний наблюдатель порой принимает внешний облик за существо дела.

Но есть еще один план — стилистика ведения игры. После некоторого перерыва в середине 1991 г. я участвовала в игре Георгия Петровича, где оргтехнический коллектив оказался по большей части мне неизвестным. То, что я увидела в работе «*новых игротехников*», крайне меня огорчило: молодые люди вели себя агрессивно, беспардонно, пытаюсь воспроизвести исключительно внешние манеры поведения руководителя игры. Жесткость мышления замещалась «поведением» и «рисованием человечков» — без понимания, без рефлексии, без мышления. Такое замещение, к сожалению, получило определенное распространение. По-видимому, в восприятии некоторых людей стилистика ведения склеивалась с сущностью ОДИ (или, что еще хуже, заместила ее). Так что еще одна цель настоящей статьи состоит в том, чтобы отделить смысл, культурное содержание и соответствующую им ОДИ-форму от стилистических особенностей ведения игры, которые отнюдь не являются ее «*инманентными*» свойствами.

Чтобы вести игру, нужно суметь «*надеть на себя*» ОДИ-форму, и тогда ты становишься ее проводником.

3. ОДИ как новый культурный прототип

3.1. ОДИ в постмодернистской перспективе

Итак, сила ОДИ-формы состоит в том, что она позволяет работать «в условиях неполной информации», впускает в свою структуру «*незнание*» как полноправную единицу работы. ОДИ ищет проблемы не в независимой от нашей деятельности «*объективной реальности*», а в способах мышления и деятельности. В ОДИ строятся варианты будущего — не как утопии

«дивного нового мира», а как разные возможности. В основе этих вариантов — самоопределение людей и групп. В ОДИ подвергаются сомнению само собой разумеющиеся истины — да и сама возможность истины (с точки зрения идеалов классического рационализма). Это новая форма, переросшая идеалы модернистской рациональности. Новизна ОДИ-формы в том, что в конце 1970-х — начале 1980-х гг. в Советском Союзе, в ситуации существенной изоляции от «большого» культурного мира, доминирования, с одной стороны, сайентистского, с другой — исключительно идеологизированного (социалистического) общественного сознания и отсутствия «свободы слова», был рожден тип практикования, который с серьезным основанием можно отнести к постмодернизму.

Наверное, это вызовет протест тех, кто вспомнит о глобальных претензиях методологии, о ее рационализме и поползновении на роль нового «законодателя разума»; протест и тех, кто вспомнит о нередко авторитарной стилистике ведения игр, выражающей якобы суть «тоталитарного» методологического мышления. Пожалуй, можно согласиться, что ОДИ и в этом плане присуще некоторое внутреннее противоречие, и мы можем найти в ней отпечатки парадигмы модерна. И рождался ММК с идеи чисто научной — создания логики как эмпирической науки, и методология соотчала в себе разноречивые идеалы. Но я предполагаю, что культурный смысл ОДИ, принципиальная новизна этой «формы организации и метода развития коллективной мислелательности», на которой настаивал Г. П. Щедровицкий, определяется тем, что в этой форме найден практический способ реализации разрыва методологии ММК с натуралистическим мировоззрением и базовыми установками классического мышления [40], и в этом смысле можно говорить о ней как постмодернистской практике. Эта гипотеза представляется мне не только правдоподобной, но и креативной для понимания роли ОДИ в истории методологии ММК, да и в более широком культурном контексте.

Вряд ли я буду настаивать на чистоте такого рода интерпретации, «категориальные аппараты» СМД-методологии и постмодернистских концепций различны. Но, вообще говоря, постмодернизм не представляет собой какой-то единой непротиворечивой картины мира (что подрывало бы его исходные положения); скорее, это некая онтологическая позиция, обобщенный взгляд, собирающий концепции, демонстрирующие уязвимость претендующего на истину «законодательного разума», указывающие на неадекватность представления о

мире как едином, монолитном, законосообразном; на наличие множества точек зрения, имеющих равное право на существование как на конститутивную черту нашего социального и культурного бытия. Это антинатурализм, показывающий, что наши понятия и представления суть конструкции мышления и дискурсов ([1, 3, 22, 27, 47], см. также об идее «постнеклассического мышления» В. А. Лекторского [14]), в противовес мышлению модерна, мышлению-законодателя, которое дает «символическое прибежище, обещающее надежду и успокоение» [27. С. 25].

Фактически все наше описание было направлено на демонстрацию ордеятельностной игры как особого мира, в котором базовые постулаты классического рационализма проблематизируются, причем не просто в теоретической критике, а «в действии» — здесь складывается практика, которая базируется на «многомиром» представлении о мире. В ОДИ «ничто не гарантировано», причем в равной степени для участников и для организаторов^{*}; проблемные ситуации не схватываются тем мышлением, которое имеет дело с «закономерностями» [20]; в ОДИ формы методологического мышления не «закрепощаются», а «высвобождают» место для поиска, самоопределения, усилия.

Организационно-деятельностные игры начались с предположения о невозможности нормирования деятельности в сложных проблемных ситуациях. Нормирование лежит в основе власти в парадигме «руководства», так что в ОДИ начались поиски другой оргуправленческой формы и была разработана гетерархированная форма социотехнической системы, где легитимируется множество конкурирующих фокусов управления. Цели не «спускаются сверху», постановка целей в игре растягивается в долгий и сложный процесс целеполагания — индивидуальной и групповой^{**}. Наличие множества позиций в игре,

* Ср.: «Когда я веду игру, где всегда что-то происходит, где сто человек что-то одновременно делают, и все это сталкивается и клубится, я, сидя в своей комнате, должен понимать, что происходит, представить себе это кипящее болото как ситуацию... Для меня есть только марево, в котором ничего не видно, и человек посредством каких-то своих судорожных действий, выверывая себя наизнанку, старается понять, что происходит» (из дискуссии Г. П. с В. П. Литвиновым [5. С. 117]).

** Иллюстрируя, как мучительны для людей такого рода процессы, Г. П. Щедровицкий рассказывал об одном участнике игры, который подо-

которые включаются в процессы само-движения, с неизбежностью приводят к конфликтам между участниками. Способом работы с конфликтами становится не «руководство» и не «юридическая форма», а проблематизация как центральный фокус программирования. Коллективное мышление оказывается не идеологией и не формой массовизации и деградации «высокого», а способом осуществления и удержания ситуации совместности, где каждая позиция пытается отстоять свою правоту как истину в последней инстанции. При такой форме организации коллективной работы не ищется ответ на вопрос о том, «каков объект на самом деле» — здесь делается зримой «ситуация» и ищутся схемы соорганизации и кооперации разных деятельностных позиций.

В ОДИ не принимаются «окончательные решения» (большинством или меньшинством). Полученные результаты, оформляемые, как правило, в оргдеятельностных схемах, не завершают игровые процессы в «конечном продукте», а высвобождают пространство для следующего шага. Здесь мышление выступает в своей «порождающей» функции, раскрывающей новые возможности.

3.2. Порождающая форма

«Классическая модель» ОДИ сложилась примерно к 1983 г. Ее складывание произошло благодаря серьезной рефлексивно-аналитической и исследовательской работе. Фактически растянутая во времени Игра-2^{*} была посвящена именно этой задаче и положила основу для выделения основных структурных элементов и понятий, необходимых для последующего формирования игротехники, которое продолжалось и дальше. В первом приближении игротехнику можно определить как, с одной стороны, специфический понятийный и мыслительный инструментарий конструирования и анализа игры, с другой — индивидуальные навыки и техники. В силу сложности, многоплановости ОДИ, ее игротехнический инструментарий обладает достаточ-

шел к нему и отчаянно спросил: «Георгий Петрович, какие у меня цели?» (из фольклора об ОДИ).

* Игра-2 «Формирование коллектива и разработка программ для комплексных междисциплинарных и многопредметных, методологически организованных исследований ОДИ» проходила (если считать основной этап) с 18.9.1979 по 14.5.1981 г. в Москве в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (78 заседаний).

ной мощью для анализа и конструирования других типов игр и вообще многих других типов работы — и не только игровых.

Во второй половине 1980-х гг. начали отпочковываться игротехнические группы. Одни стали проводить ОДИ и развивать эту форму (С. В. Попов, П. Г. Шедровицкий, Б. В. Сазонов, П. В. Баранов, Ю. В. Громыко, Н. Г. Алексеев, А. П. Зинченко, Л. М. Карнозова и др.), другие на основе ОДИ как прототипа создавали собственные типы игр (организационные обучающие игры, инновационные, управленческие и пр.). На территории Советского Союза стало складываться игротехническое движение (см., например [2, 7, 10–12, 21, 25–26, 28, 46])^{*}, и имеющее в ядре образец ОДИ некоторые игровые команды содержательно вообще оторвались от системомыследеятельностной методологии. Перестройка усилила интерес к играм и интенсифицировала их «социализацию» и «прагматизацию», расширила область применения; на основе ОДИ были сконструированы такие формы как выборы руководителей (С. В. Попов), конкурсы, методологические экспертизы, Школы (С. В. Попов, П. Г. Шедровицкий). ОДИ включались в систему образования, бизнеса, политики, процессы судебной реформы.

Итак, ОДИ дала жизнь целой плеяде игровых практик, но, помимо этого, стала прообразом методологической работы в различных областях деятельности, причем не только в играх как таковых. Так что, с одной стороны, можно выделить ОДИ как Игру — принципиально отделенный от «серьезной жизни» хронотоп, имеющий свое начало и конец, с присущими ему специфическими чертами этого игрового мира. В зависимости от областей употребления и еще каких-либо параметров, можно строить те или иные типологии ОДИ [39; 44]. С другой стороны, в качестве прототипа ОДИ вошла:

— в разного рода системы практической мыследеятельности, ассимилировавшие выработанные в ОДИ способы работы (анализ ситуации, целеобразование, методологическую схематизацию, программирование и пр.), в том числе в особые формы организации образовательных процессов в вузах и школах; в управленческие технологии и пр.;

— в игры и практики (тренинги, проектные семинары, сессии по анализу ситуаций и множество других, возможно, еще не придуманных форм), которые осуществляются от-

* Перечислить все команды не представляется возможным.

дельно от «производственной» работы и используют отработанные в ОДИ способы и подходы, но представляют собой не ОДИ как методологическую практику, объемлющей рамкой которой выступает развитие методологии, а ориентированы на обучение людей или развитие конкретных областей или решение практических или политических проблем — замыкающей рамкой подобных практик является решение прагматических задач;

- в новые методологические практики;
- в новые формы организации исследований.

Организационно-деятельностная игра, таким образом, выступает в функции культурного образца для включения методологической работы в процессы развития разных практических областей и появления новых игровых и методологических практик. Но подобное распространение и включение ОДИ-формы в разные практики позволяет нам говорить не просто о ее «социализации», а обозначить *главную культурную функцию* — ОДИ стала новым культурным прототипом организации содержательного взаимодействия между людьми в современной ситуации кризиса научного знания, социальной и политической борьбы, «морального упадка», развенчания демократических иллюзий и пр.* Место ОДИ — «на краю миров»: между прошлым и будущим, между социумом и культурой, между знанием и незнанием. Беззащитность человека и нашего общего существования перед лицом культуры и цивилизации вынуждает искать новые формы работы и жизни в подобных ситуациях. Это — функция *прототипа в ситуации отсутствия прототипа*. «Культура начинается не как игра и не из игры, а в игре» [31. С. 92].

Подытоживая, еще раз подчеркнем: культурное значение организационно-деятельностной игры важно рассматривать, по крайней мере, в двойной перспективе.

Во-первых, в линии развития методологии ММК: здесь ОДИ стала площадкой разработки новой методологии, в

* Ср.: «Воистину есть все основания говорить о кризисе современного мышления и знания, о кризисе таком фундаментальном и таком остром, что вряд ли можно найти ему подобие в известных нам прошлых периодах духовной жизни» [31. С. 272].

основе которой — идея и практика организации проблематизации и программирования в коллективной мыследеятельности, в определенном смысле *противостоящие нормативному и проектному подходам*. В этом плане игровой период в истории ММК связан не просто с реализацией того, что было наработано прежде, — это скачок, задавший шаг развития самой методологии через развертывание и одновременно проблематизацию ее предшествующих установок.

Во-вторых, если брать ОДИ как некоторую состоявшуюся форму организации коллективной мыследеятельности в проблемных ситуациях, она явилась новым культурным прототипом, легла в основу множества используемых сегодня и будущих практик работы с группами и коллективами.

И в завершение снова вернусь к экзистенциальному смыслу ОДИ. Для многих из нас ОДИ была местом подлинного существования, полноты бытия [29]. Игра вытаскивала нас из «ячеек» и погружала в особый мир, в особое пространство названности вещей своими собственными именами, без оглядки на социальные иерархии, на достижение социальных целей. В символическом мире игры главенствовали особые «вещи» — содержания и смыслы; естественно, сюда втаскивалась человеческие страсти и «социальность», но другой была система ценностей.

В этом искусственном мире можно было попробовать пожить иначе. Поэтому, кстати, важно разделять «игру» и «жизнь», не путая одно с другим. Игра, раскрывая наши потенциальные (потенные?) возможности, поставляет «постав» Хайдеггера [30] нам новые жизненные ресурсы. Основной эффект оргдеятельности игры был, в общем-то, даже не в получении новых мыслительных форм и содержаний (над этим нужно было работать дальше, после игры), а в рождении новых смыслов, которые давали потрясающую энергетику — жить, мыслить, чувствовать, понимать.

«Мы все делаем вид, что мы живем, мы делаем вид, что работаем, а на самом деле ничего не делаем. Это есть наша жизнь. А игра — дело очень серьезное и с содержанием. Она нам нужна, поскольку она дает людям возможность жить — пусть “в пробирке”, но свободно. Игра вас может сделать человеком, если вы включаетесь в нее... — да, человеком “в пробирке”. Но тот, кто прожил десять дней “в пробирке” человеком, может остаться таким и дальше, если запомнит, что это значит — быть человеком» [42. С. 23].

Литература

1. Автономова Н. С. Возвращаясь к азам // Вопросы философии. № 3. 1993. С. 17—22.
2. Баранов П. В., Сазонов Б. В. Игровая форма развития коммуникации, мышления, деятельности. М., 1989.
3. Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 46—61.
4. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1987.
5. «Герменевтика»: проблемы исследования понимания // Вопросы методологии. 1992. № 1—2. С. 97—122.
6. Громыко Ю. В. Московская методологическая школа: социокультурные условия возникновения, идейное содержание, проблемы развития // Методология: вчера, сегодня, завтра. В 3 т. С. 271—302. Т. 1.
7. Громыко Ю. В. Организационно-деятельностные игры и развитие образования. М., 1992.
8. Зинченко В. П. Комментарий психолога к трудам и дням Г. П. Щедровицкого // Познающее мышление и социальное действие (наследие Г. П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Ред.-сост. Н. И. Кузнецова. М., 2004. С. 337—403.
9. Карнозова Л. М. Самоопределение профессионала в проблемной ситуации. Психосемиотическое исследование на материале организационно-деятельностных игр. Дисс... канд. психол. н. М., 1991.
10. Карнозова Л. М. Правовая журналистика: замысел и игра // Кентавр. 1996. № 2. С. 5—13.
11. Карнозова Л. М., Александрова Г. И. Методологический анализ игротехнической работы в организационно-деятельностной игре // Актуальные проблемы системно-мыследеятельностной методологии и организационно-деятельностных игр. Рига, 1989. С. 33—68.
12. Карнозова Л. М., Александрова Г. И. Двухтематические ОД-игры по проблемам образования: социокультурный, методологический и игротехнический аспекты // Вопросы методологии. 1991. № 2. С. 72—83.
13. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М., 1991.
14. Лекторский В. А. Георгий Петрович Щедровицкий и современная философия // Познающее мышление и социальное действие (наследие Г. П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Ред.-сост. Н. И. Кузнецова. М., 2004. С. 171—205.
15. На Досках. Публичные лекции по философии Г. П. Щедровицкого. М., 2004.
16. Наумов С. В. Представления о программах и программировании в контексте методологической работы // Вопросы методологии. 1992. № 1—2. С. 11—30.
17. ОДИ-1 // Организационно-деятельностные игры. М., 2006.
18. Пископьев А. А. Г. П. Щедровицкий — подвижник и мыслитель // Познающее мышление и социальное действие (наследие Г. П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Ред.-сост. Н. И. Кузнецова. М., 2004. С. 11—57.
19. Подорога В. А. Проект и опыт (Г. Щедровицкий и М. Мамардашвили: Сравнительный анализ стилей мышления // Познающее мышление и социальное действие (наследие Г. П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли) / Ред.-сост. Н. И. Кузнецова. М., 2004. С. 429—523.
20. Попов С. В. Организационно-деятельностные игры: мышление в зоне риска // Методология: вчера, сегодня, завтра. В 3 т. С. 413—476. Т. II.
21. Попов С. В., Щедровицкий П. Г. Конкурс руководителей. Всесоюзный конкурс на должность директора завода микроваттубусов РАФ: анализ ситуации. М., 1989.
22. Постмодернизм и культура (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. № 3. 1993. С. 3—16.
23. Сазонов Б. В. ММК в лицах / Сост. М. В. Хромченко. М., 2006. С. 54—62.
24. Раппапорт А. Г. Границы проектирования // Вопросы методологии. 1991. № 1. С. 19—38.
25. Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии / Отв. ред. Л. М. Карнозова. М., 1995.
26. Судебная реформа: проблемы анализа и освещения. Дискуссии о правовой журналистике / Отв. ред. Л. М. Карнозова. М., 1996.
27. Трубина Е. Г. Посттоталитарная культура: «все дозволено» или «ничего не гарантировано» // Вопросы философии. № 3. 1993. 23—27.
28. Тюков А. А. Организационные обучающие игры и моделирование процессов социального развития личности // Игровое моделирование: методология и практика. М., 1987. С. 48—61.

29. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблемы человека в западной философии. М., 1988. С. 357–403.
30. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
31. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
32. Щедровицкий Г. П. Проблемы и проблематизация в контексте программирования процессов решения задач // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 424–471.
33. Щедровицкий Г. П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 88–114.
34. Щедровицкий Г. П. Игра и «детское общество» // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 673–681.
35. Щедровицкий Г. П. Методологические замечания к педагогическому исследованию игры // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 687–716.
36. Щедровицкий Г. П. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации коллективной мыслительности // Методы исследования, диагностики и развития международных трудовых коллективов. Сб. ст. М., 1983. С. 153–178.
37. Щедровицкий Г. П. Схема мыслительности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 281–298.
38. Щедровицкий Г. П. Организационно-деятельностная игра. Сборник текстов (1) [Из архива Г. П. Щедровицкого]. Т. 9 (1). М., 2004.
39. Щедровицкий Г. П. Организационно-деятельностная игра. Сборник текстов (2) [Из архива Г. П. Щедровицкого]. Т. 9 (2). М., 2005.
40. Щедровицкий Г. П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системнодеятельностного подходов // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 143–154.
41. Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом... М., 2001.
42. Щедровицкий Г. П. Философия у нас есть // Г. П. Щедровицкий. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 1–24.
43. Щедровицкий Г. П. Теория деятельности и ее проблемы // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. С. 242–268.

44. Щедровицкий Г. П., Котельников С. И. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыслительности // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 115–142.
45. Щедровицкий П. Г. К анализу топки организационно-деятельностных игр. Препринт. Пушкино, 1987.
46. V Всесоюзная школа молодых ученых-юристов: Методология организации прикладных комплексных исследований и разработок в области права / Отв. ред. Е. Б. Мизулина, А. А. Матюхин. С. Б. Мирзоев. Ярославль, 1990.
47. Winslade J., Monk G. Narrative mediation: a new approach to conflict resolution. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 2001.